

На правах рукописи

ШАБРОВА
Елена Николаевна

**МОРФЕМИКА
ДИАЛЕКТНОГО ГЛАГОЛА**

Специальность 10.02.01. - русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Диссертация выполнена на кафедре русского языка
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор *Сергей Игоревич Богданов*

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор *Александр Сергеевич Герд*

доктор филологических наук, профессор *Лариса Яковлевна Костючук*

доктор филологических наук, профессор *Валентина Даниловна Черняк*

Ведущая организация:

Институт лингвистических исследований РАН

Защита состоится 22 января 2004 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 212.232.18. по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета.

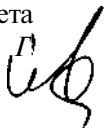
Автореферат разослан «/с?»

2003 г.

17*

ИМ. Н. И

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

С. А. Аверина

Термин *морфемша* в современной лингвистике служит для обозначения одного из уровней языковой системы и раздела языкознания, изучающего этот уровень. В соответствии с этим в данной диссертации определяются теоретические принципы, методология и методика морфемного анализа слова в русских говорах. На основе этих принципов производится анализ морфемной структуры и системное описание основ инфинитива диалектных глаголов в говорах вологодской группы северного наречия.

Актуальность темы исследования. Закономерности формально-семантического устройства языковой системы неодинаково проявляются в различных формах ее функционирования. В связи с этим большое значение имеет изучение территориальных диалектов - одной из важнейших форм существования национального языка. В отличие от литературного языка, элементы которого составляют единый комплекс и выбор средств в котором определяется кодифицированными нормами, русские народные говоры представляет собой сложную систему параллельно сосуществующих вариантов языка, в каждом из которых наряду с общерусскими закономерностями строения и функционирования языковых элементов проявляются специфические особенности различных лингвистических уровней. Изучение соотношения общих закономерностей и местных особенностей в различных говорах составляет одну из важных проблем диалектологических исследований. Ее решение осуществляется на материале различных уровней языка, среди которых до сих пор наименее изученным остается морфемный уровень. В связи с этим особую актуальность имеют исследования, посвященные описанию явлений морфемной системы русских говоров: инвентаря морфем, структурной типологии основ, закономерностей строения слов различных частей речи. В ходе таких исследований решается еще одна важная проблема - определяют теоретические и методические основания морфемного анализа слова в диалекте. Это необходимо как для адекватного описания морфемной системы говоров, так и для решения общетеоретических и методических проблем морфемного анализа слов в русском языке.

В связи с тем, что диалектная система представляет собой совокупность отдельных территориальных вариантов языка, для её изучения могут быть использованы различные подходы: *недифференцированный*, предполагающий одновременное описание общерусских и диалектных элементов, или *дифференцированный*, в рамках которого исследуются только местные особенности говора, *комплексный*, сочетающий изучение единиц различных лингвистических ярусов, или *уровневый*, при котором анализируются только фонетические, лексические, морфологические или синтаксические явления, *общедиалектный*, предполагающий изучение языковых особенностей с позиций всей совокупности русских говоров, и *локальный*, направленный на описание отдельных территориальных диалектов. Реализация каждого из подходов определяется как целями и задачами конкретных исследований, так и возможно-

стями источников их фактического материала. В силу того, что основной единицей членения диалектной системы является группа родственных говоров, особую актуальность будут иметь исследования, материалом которых служат языковые явления этой совокупности диалектов.

Морфемный анализ слова в языке предполагает решение задач, состоящих «в выявлении и систематизации морфем в языке, в установлении законов их функционирования и соединения, а именно: 1) выделение минимально значимых элементов слова - морфем; 2) сведение (или несведение) их в одну морфологическую единицу (морфему) в качестве ее вариантов (алломорфов); 3) описание аранжировки (правил сочетаемости) морфем; 4) описание строения морфем; 5) их классификация по месту в слове и по функции, иначе - определение видов морфем» [СМ: 3]. Для решения этих задач необходимо определение структурной мотивированности элементов слова как в его корневой, так и в его аффиксальной частях. Корневая мотивированность слов определяется в рамках гнезда однокоренных слов, аффиксальная мотивированность может быть установлена в рамках аффиксальных парадигм одноструктурных слов. В связи с тем, что изучение корневых гнезд и аффиксальных парадигм на материале сводной системы русских говоров является чрезвычайно сложным, особое значение будут иметь исследования, в которых корневые гнезда изучаются с позиций группы родственных говоров, а построение и описание аффиксальных парадигм осуществляется в рамках одной части речи. Одним из таких исследований является данная работа.

Цель диссертации — изучение морфемной структуры диалектного глагола в современных вологодских говорах. В соответствии с поставленной целью реализуются следующие *задачи*.

1. Определяются теоретические, методологические и методические основания морфемного анализа диалектного слова.

2. Выявляется лексический состав диалектных глаголов в современных вологодских говорах, устанавливается их производность или непроизводность в рамках диалектного корневого гнезда.

3. Определяется инвентарь морфем в структуре основ инфинитива исследуемых глаголов, производится типологическое описание этих морфем, характеризуются типы корневых гнезд и аффиксальных парадигм, основу которых составляют данные морфемы.

4. Исследуется морфемная комбинаторика глагольных основ, особенности формально-семантического взаимодействия в их составе корневых и аффиксальных морфем и в связи с этим описывается динамика членимости основ диалектных глаголов.

Объектом изучения служат диалектные глаголы современных вологодских говоров (около 12 тыс слов). *Предмет* исследования составляют морфемный состав и морфемная структура основ инфинитива этих глаголов.

В качестве основных *источников* исследования служат картотеки «Словаря русских народных говоров» (СРНГ) и «Словаря вологодских говоров» (СВГ), а также картотека результатов экспедиционных наблюдений автора исследования (1987-2002 гг; примерно 5 тыс. глаголов). Как источники для сопоставления использовались различные толковые и грамматические словари русского литературного языка и его территориальных диалектов, а также словари других славянских языков.

Основным *методом* исследования является описательно-аналитический, в рамках которого используются различные виды анализа: морфемный, словообразовательный, морфонологический. Основу морфемного анализа составляют методики позиционного и оппозиционного анализа морфемного состава и морфемной структуры основ диалектных глаголов. В работе используются также отдельные приемы методов внутренней реконструкции и лингвистического эксперимента.

Научную новизну диссертационного исследования составляет разработка концепции морфемного анализа слова в русских говорах и ее практическое применение в процессе анализа диалектных глаголов:

а) обосновывается определение системы координат морфемного анализа и порядок следования аналитических операций в процессе изучения слов в составе диалектных корневых гнезд и аффиксальных парадигм;

б) определяется корневой и аффиксальный фонд глагольной лексики вологодских говоров, разрабатывается функционально-семантическая типология морфем в структуре основ диалектных глаголов на материале вологодских говоров;

в) характеризуются формальный и семантический аспекты морфемной комбинаторики глагольных основ, исследуются факторы, определяющие членимость этих основ с позиций исследуемой совокупности диалектов;

г) описываются комплексные единицы морфемной системы вологодских говоров (диалектные корневые гнезда и аффиксальные парадигмы): определяется статус этих единиц, принципы их построения и описания, рассматриваются структурные, семантические и функциональные характеристики диалектных корневых гнезд и аффиксальных парадигм.

Дальнейшая разработка теоретических и методологических принципов и использование предлагаемой в диссертации методики морфемного анализа диалектного слова может способствовать изучению морфемики говоров в аспекте других частей речи и на материале других групп говоров, что в будущем обеспечит общее описание морфемной системы русских говоров.

Практическую ценность работы определяют возможности использования ее результатов в обобщающих исследованиях по теории морфемного анализа слова, при подготовке раздела «Морфемика и словообразование русских говоров», ныне отсутствующего в учебниках диалектологии русского языка, в работах, посвященных морфемному анализу слов других частей речи на

материале других территориальных диалектов. Материалы работы могут найти отражение в преподавании вузовских курсов морфемики и словообразования русского языка, диалектологии, проведении спецкурсов и спецсеминаров по диалектной морфемике.

Положения, выносимые на защиту.

1. Морфемный анализ слова предполагает вычленение и описание составляющих его морфем и характеристику их взаимоотношения в структуре слова. Адекватность анализа определяется установлением территориальных, временных, функционально-стилистических и других рамок исследования, иначе говоря, определения его «системы координат». Для осуществления морфемного анализа на материале территориальных диалектов наиболее существенны три вида координат: территориальные, временные и структурно-мотивационные.

1.1. Определение *территориальных* координат морфемного анализа слов в русских говорах основывается на концепции диалектного языка Р. И. Аванесова. В соответствии с этой концепцией русские народные говоры представляют собой сложную систему параллельно сосуществующих вариантов языка. Морфемный анализ слов в этой системе возможен как с позиции одного из этих вариантов (моносистемы), так и с позиций некоторой совокупности вариантов (полисистемы) в соответствии с принципами фрагментарного анализа: типологические свойства полисистемы могут быть описаны на основе анализа выборки ее элементов. Определение адекватной выборки вариантов реализации диалектного языка происходит в соответствии с принципом относительной однородности исследуемых элементов. Таким образом, региональную основу морфемного анализа слова в диалектной полисистеме составит группа родственных говоров - основная единица классического диалектного членения русского языка, составляющая своего рода единство в фонетико-морфологическом и лексическом отношениях, имеющая общее происхождение, историю развития и единую лексикографическую традицию.

1.2. Определение *временных* координат морфемного анализа слов в русских говорах требует особой осторожности, так как здесь одновременно происходит консервация архаических элементов и отношений и активное вхождение новообразований. Учет этих тенденций напрямую связан с разграничением диахронического и синхронического подходов к морфемному анализу слова, а точнее - с определением понятия языковой синхронии. В лингвистической традиции она определяется либо с позиций отсутствия качественных изменений системы на определенном этапе ее развития, либо с позиций определённого временного периода существования этой системы. Анализ элементов и отношений морфемной полисистемы русских говоров убеждает в преимуществах второго, временного, подхода, причем динамика развития диалектной системы в исследуемый период будет иметь пространственную проекцию.

1.3. Определение *структурно-мотивационных* координат морфемного анализа слов в русских говорах основывается на соотношении элементов морфемной структуры этих слов с элементами комплексных единиц диалектной морфемной системы: диалектных корневых гнезд и аффиксальных парадигм.

1.3.1. В аффиксальной части исследуемых словоформ отношения структурной мотивированности выявляются на фоне парадигм одноструктурных слов различных частей речи. В соответствии с этим категориально-грамматическую основу морфемного анализа слов составит их отнесенность к определенной части речи.

1.3.2. Структурная мотивированность корней обнаруживается в рамках диалектных корневых гнезд. Лексический состав и структура этих гнезд уточняются на каждом этапе морфемного анализа слов, что определяет возможность дальнейшей Интерпретации элементов и отношений в диалектном корневом гнезде. Таким образом, диалектное корневое гнездо одновременно является лексическим фоном, инструментом и результатом морфемного анализа слов в русских народных говорах.

2. Практическую реализацию перечисленных принципов определения территориальных, временных и структурно-мотивационных координат морфемного анализа слов в русских говорах целесообразно осуществлять следующим образом.

2. 1. В качестве территориальной основы анализа целесообразно рассматривать группы родственных говоров территорий исконного заселения славянами, находящиеся в окружении сходных диалектных образований одного наречия. Этим условиям удовлетворяет выбор вологодской группы северного наречия как территориальной основы данного диссертационного исследования.

2. 2. При определении хронологических параметров исследования необходимо придерживаться принципа временной однородности фиксации языкового материала. В соответствии с этим материальную основу данного исследования составляют диалектные слова «Словаря вологодских говоров», картотека которого формировалась во второй половине XX века.

2. 3. Структурно-мотивационные отношения слов в диалектной системе уместно рассматривать с позиций категориально-грамматической отнесенности слов к определённой части речи и на основе взаимодействия этих слов с однокоренными словами диалектного корневое гнезда. В соответствии с этими принципами в данном диссертационном исследовании осуществлялся морфемный анализ основ диалектных глаголов - слов наиболее сложной, «морфологически емкой» (В. В. Виноградов) части речи, морфемная структура которых отражает существенные особенности их словообразовательной и морфологической структуры.

3. Морфемная структура основ диалектных глаголов отражает общие закономерности строения глагольных слов в русском языке. Это проявляется на уровне инвентаря морфем (в первую очередь - аффиксальных), их комбинаторики, семантики и функций, определяет возможность создания общезыковой типологии основ глаголов, типов и способов их слово- и формообразования.

4. Региональные особенности морфемной структуры глагольных основ проявляются как на уровне морфемного состава диалектных глаголов, так и с позиций их морфемной структуры.

4.1. Морфемный состав основ диалектных глаголов характеризуется наличием диалектных морфем (в первую очередь - корней) различной сферы локализации, а также диалектных морфем общерусских корней, появление которых обычно обусловлено фонематическим варьированием морфем и морфемных комплексов в структуре слова. Большинство диалектных морфем имеет общедиалектный характер и обнаруживает соответствия в других славянских языках. Это свидетельствует о единстве общеславянского морфемного фонда глагольной лексики.

4.2. Функционирование общерусских морфем в структуре диалектных глаголов характеризуется более широким формальным и семантическим варьированием, более разнообразной дистрибуцией, часто обнаруживает более высокую степень их морфемной самостоятельности. Основанием для этого служит динамический характер диалектной системы, в которой наряду с сохранением архаических элементов языка активно появляются новообразования, возникновение которых обусловлено развитием общерусских тенденций морфемики и словообразования.

4.3. Специфика морфемной синтагматики основ диалектных глаголов, а также динамика членимости этих основ во многом определяются функциональными характеристиками морфем в их составе: структурным типом основы, сферой употребления ее корней и аффиксов, характером их воспроизводимости в исследуемой системе, свободным или связанным положением корня, функциональной и семантической полноценностью аффиксальных морфем и, наконец, семантическими отношениями между всеми морфемами основы. Следует отметить, что морфемная синтагматика глагольных основ в системе вологодских говоров, с одной стороны, свидетельствует об архаичности морфемной системы вологодских говоров, а с другой, обнаруживает активное функционирование в ней тенденций морфемо-, осново- и словообразования разговорной речи.

5. Анализ морфемного состава и морфемной структуры диалектных глаголов позволяет определить характерные признаки морфемной системы русских говоров. Эта система, являясь территориальной разновидностью морфемной системы русского языка, с одной стороны, реализует общие закономерности устной формы ее бытования, а с другой, представляя один из ярусов

диалектного языка, характеризуется территориальной закрепленностью своих элементов и отношений. В соответствии с этим могут быть определены теоретические основания изучения диалектной морфемики.

5.1. Единство языковой системы во всех формах и сферах ее функционирования. На морфемном уровне об этом свидетельствует устойчивый состав общезыковых морфем и словообразовательных типов, наличие общих закономерностей синтагматики и парадигматики морфем в литературном языке и территориальных диалектах, общих принципов построения корневых гнезд и аффиксальных парадигм. Поэтому можно предположить, что описание морфемки говоров и литературного языка будет иметь общие теоретические и методологические основания.

5.2. Функционально обусловленный динамический характер языковой системы. На основании этого положения можно прогнозировать выявление общих закономерностей морфемки разговорной речи в ее литературной и диалектной разновидностях, а также предполагать наличие собственно диалектных явлений морфемной системы языка.

5.3. Специфический характер функционирования слова в диалектной системе: идиоматичность, вариативность, экспрессивность слова в говорах. Эти особенности обусловлены узуальным характером диалектной нормы, тесной связью употребления слова с ситуацией и контекстом. Они неизбежно проецируются на морфемный уровень, следствием чего является формально-семантическое варьирование морфем, частые случаи фразеологизации морфемной структуры слов, конвергенции диалектных корневых гнезд и аффиксальных парадигм. Поэтому описание морфемной системы говоров будет иметь ряд ограничений в отождествлении морфем и при определении лексического состава корневых гнезд и аффиксальных парадигм в говорах.

5.4. Типологическая и хронологическая неоднородность диалектной системы русского языка (наличие зон исконного и позднего заселения, взаимовлияние частных диалектных систем русского языка, их взаимодействие с другими языками). В связи с этим изучение морфемной системы говоров невозможно без учета данных исторической диалектологии и современной лингвистической географии.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были изложены в докладах на международных и межвузовских научных конференциях (1997-2003 гг.), использовались при организации и проведении диалектологических экспедиций (1987-2003 гг.), в процессе лексикографической и картографической работы автора исследования, а также в ходе преподавания курсов русской диалектологии, морфемки и словообразования русского литературного языка в Вологодском государственном педагогическом университете в течение ряда лет. По теме диссертации опубликовано 36 работ общим объемом около 30 печатных листов.

Структура работы. В диссертации представлены введение, пять глав, объединенных в две части, заключение, список литературы и приложение (345 страниц машинописного текста).

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диалектная морфемика как самостоятельная отрасль диалектологии определилась сравнительно недавно. Поэтому представляется одинаково актуальным как обоснование теоретических и методологических принципов морфемного анализа слова в русских народных говорах, так и реализация этих принципов на материале отдельных говоров или некоторой совокупности диалектов. Решению каждой из этих задач посвящена отдельная часть диссертационного исследования.

Первая часть работы **«Теория, методология и методика морфемного анализа слова в русских говорах»** определяет теоретические и методологические основания морфемного анализа слов в диалектной системе и предлагает ряд методических приемов, необходимых для морфемного анализа диалектного слова.

В первой главе **«Морфемный анализ диалектного глагола в полисистемном пространстве русских говоров»** рассматриваются характерные признаки этой системы, особенности функционирования в ней слов и морфем, в результате чего определяются условия и этапы морфемного анализа слов с позиций исследуемой в диссертации совокупности диалектов.

В **первом параграфе** главы характеризуются полисистемные свойства совокупности русских говоров (диалектного языка).

Русский национальный язык представляет собой сложное единство. Он включает в себя многие разновидности (литературный язык, просторечие, территориальные и социальные диалекты), в каждой из которых проявляются общезыковые закономерности строения и функционирования языковых элементов, что является основой противопоставления всех форм одного языка другому. Наиболее важными разновидностями национального языка являются литературный язык и территориальные диалекты, совокупность которых в данной работе, вслед за Р. И. Аванесовым, определяется как *диалектный язык*. В отличие от литературного языка, элементы которого составляют единый комплекс и выбор средств в котором определяется кодифицированными нормами, диалектный язык представляет собой сложную систему параллельно сосуществующих вариантов языка. Каждый из таких вариантов обладает характерными особенностями фонетики, лексики и грамматики, по соотношению которых может быть противопоставлен другим диалектам и литературному языку. Вместе с тем во всех вариантах национального языка проявляются общезыковые закономерности строения и функционирования языко-

вых элементов, что является основой противопоставления всех форм одного языка другому.

Изучение элементов и отношений диалектного языка традиционно производится в структурном и территориальном аспектах и в основном касается явлений фонетики, лексики и морфологии. Морфемный уровень языка с этих позиций изучен недостаточно, что объясняется влиянием сразу нескольких причин.

1. В составе *элементов* морфемного уровня диалектного языка обнаруживается гораздо больше сходства, чем различий. Это обусловлено единством корневого фонда национального языка и общими закономерностями аффиксального оформления словоформ определенных частей речи во всех функциональных разновидностях языка. В результате формирование рядов междиалектных соответствий морфемного уровня продуктивно только в отношении ограниченного числа морфем. Это, как правило, аффиксальные морфемы, выполняющие формообразовательную функцию (например, морфемные показатели форм инфинитива с основой на заднеязычный согласный [Обнорский, 1953; Сологуб, 1968 и др.]), или словообразовательные аффиксы, образующие производные слова одной части речи с одним деривационным значением.

2. Интерпретация *отношений* элементов морфемной структуры слова с точки зрения диалектных различий тоже не всегда возможна и целесообразна. Она может быть продуктивной в том случае, если эти элементы представлены в большинстве частных диалектных систем и характер диалектного различия определяется особенностями формального или семантического соотношения присутствующих элементов. В этом направлении ранее рассматривались принципы соединения корней и различных слово- или формообразовательных аффиксов, например, особенности присоединения суффиксов со значением невзрослости к корням предметного значения, обозначающим живых существ (*кот/ёнок, гус/енёнок, реб/ятёнок*) или реализация морфонологических процессов при образовании слов одного словообразовательного типа [Антипов, 1997].

Изучение единиц морфемного уровня диалектного языка в *структурном аспекте* на данный момент в основном касается таких элементов слова, морфемный статус которых очевиден для каждой из исследуемых частных диалектных систем, т. е. семантически насыщенных, как правило, свободных корней и слово- или формообразовательных аффиксов. Представляется важным расширить состав исследуемых элементов, обратив внимание на те элементы слова, морфемный статус которых в разных частных диалектных системах будет неодинаковым. В связи с этим одной из важных задач этого направления будет сравнение функциональной полноценности морфем в различных частных диалектных системах: характера структурной и семантической сочетаемости этих морфем, их воспроизводимости, определенности

формальных и семантических границ каждой морфемы, а также описание выполняемых ею функций в конкретном слове или группе структурно соотносительных слов (корневом гнезде, аффиксальной парадигме).

Территориальная интерпретация диалектных отличий морфемного уровня на данный момент в основном ограничена изучением словоизменительных аффиксов различных грамматических форм знаменательных частей речи и некоторых словообразовательных аффиксов, участвующих в продуктивном морфемном словообразовании. Причина таких ограничений кроется в самом характере морфемных диалектных различий: они в основном касаются не состава морфем, а характера их функционирования. Вместе с тем использование этого подхода может быть шире, если обратить внимание на такие аспекты анализа, как территориальная характеристика диалектных корней и аффиксов или динамика их морфемного статуса в различных частных диалектных системах.

Какие перспективы морфемного анализа определяет полисистемный подход к диалектам?

Диалектная система рассматривается как одна из форм национального языка, особым образом организованная полисистема. В качестве структурной модели она «показывает некоторый диалектный континуум как реализацию системы, состоящей из постоянных и варьирующихся звеньев» [Калнынь, 2002: 128]. Эти варьирующиеся звенья могут составлять как элементы отдельных языковых ярусов, так и отношения между этими элементами. Следовательно, предметом исследования диалектной морфематики могут быть не только сами материальные репрезентации морфем в частных диалектных системах, но и такие диалектные отличия, от которых зависит функциональная полноценность морфем. Эти диалектные отличия могут иметь лингвогеографическую интерпретацию. В результате таких наблюдений может быть выявлена территориальная закреплённость отдельных корневых и аффиксальных морфем, а также прокомментирована динамика их морфемной самостоятельности в отдельных вариантах диалектного языка.

Понимание диалектного языка как системы систем позволяет осуществлять морфемный анализ слов в этой системе с различных позиций. Это, во-первых, анализ слов в *частной диалектной системе*. В отличие от диалектного языка в целом, представляющего научную абстракцию, частная диалектная система имеет реальное речевое воплощение в коммуникативной деятельности определенного коллектива. Поэтому она может быть изучена на материале непосредственных наблюдений за речью носителей говора. Анализ возможен также и с позиций *некоторой совокупности* диалектов. Верхний предел элементов такой совокупности составит полный состав вариантов диалектного языка, но его изучение в практическом плане не осуществимо. Следовательно, анализу явлений каждого лингвистического яруса диалектного языка в рамках фрагментарного описания должно предшествовать определение аде-

кватной выборки вариантов реализации диалектного языка, той совокупности частных диалектных систем, на материале которых может быть осуществлен анализ. Одним из возможных решений этой задачи является изучение говоров одной группы в их современном состоянии.

Во *втором параграфе* данной главы диссертации характеризуется вологодская группа говоров как территориальная основа морфемного анализа слов в данном исследовании.

Группа родственных говоров составляет главную величину современного диалектного членения русского языка. Диалектными явлениями, выделяющими группы говоров, обычно бывают структурные разновидности явлений, представленных в наречиях и диалектных зонах в обобщенном виде, лексико-грамматические и словообразовательные варианты явлений диалектного языка и отдельные лексемы. Главное отличие групп говоров от других типов лингво-территориальных объединений заключается в том, что группы говоров выделены на основе явлений, образующих звенья системы, а не просто сумму признаков. Поэтому именно группы говоров, в которых совокупность всех диалектных и общерусских явлений структурно связана, представляют системы современных диалектов. Системность организации групп говоров, единство истории их развития и современного состояния, общие традиции их лексикографического описания определяют эти единицы членения диалектного языка как основу лингвистического анализа в рамках фрагментарного подхода. Изучение диалектных различий разных языковых уровней на материале говоров одной группы представляется одним из наиболее продуктивных и практически возможных подходов. Группа говоров, таким образом, будет составлять *региональную основу* и для морфемного анализа слов в диалектном языке.

Морфемный анализ слов в системе говоров родственной группы позволяет сделать существенные выводы относительно инвентаря морфем и характера их функционирования в данной совокупности диалектов и - шире - в диалектном языке. Вместе с тем результаты исследования в этом направлении будут зависеть от ряда обстоятельств: а) степени общности группы говоров, истории ее развития и условий современного функционирования; б) степени изученности лексического состава говоров данной группы в традициях дифференцированного / недифференцированного подходов; в) наличия необходимых для исследования источников сопоставления (этимологических словарей русского языка, толковых и грамматических словарей литературного языка и др.) и др.

Одну из перспективных групп для осуществления морфемного анализа слов составляет вологодская группа говоров. Это утверждение имеет следующие основания.

1. Вологодская группа говоров находится в пределах северного наречия в окружении других диалектных объединений, относящихся к тому же наречию

(костромская группа говоров, белозерско-бежецкие и лачские межзональные говоры). Граница Вологодской группы говоров условно определяется пучками изоглосс диалектных явлений: на западе - примерно по 39° вост. долг.; на юге - примерно по 59° сев. шир. Эти территории достаточно рано были заселены славянами. Формирование говоров вологодской группы исследователи связывают с процессами относительно раннего активного взаимодействия новгородских и ростово-суздальских говоров, а также с обособлением говоров вологодских земель в результате их удаленности от административных и торговых центров государства. В результате этих процессов в говорах вологодской группы сохранялись многие архаические черты севернорусского наречия: архаический тип мягкого цоканья, различия в произношении звуков в соответствии с исконными *e* и *h*, *o* и *б*, сохранение архаического типа склонения существительных с суффиксами *-ушк-*, *-ишк-* по типу слов м. - ср. р. (*дедушко*, *дедушка* и т.д.), сохранение безударного *-ти* в формах инфинитива с основой на согласный (*класти*, *ести*), наличие мягких согласных в постфиксах возвратных глаголов (*моеш[с'е']*, *моеш[с'о']*) и др. Вместе с тем обособленность вологодских говоров, их удаленность от административных центров и зон активных междиалектных контактов определила возможности для своеобразного развития некоторых тенденций, как новгородских по происхождению, так и общерусского характера. Это, в частности, развитие произношения */l/* среднего (возможно, под влиянием иноязычного окружения), наличие инфинитивного показателя *-ти* в глаголах с основами на заднеязычный согласный (*пекши*, *берегиши*), развитие системы двойных предлогов (*по-за глаза*, *по-над болоту*) и др. В качестве одного из существенных факторов развития говоров Вологодской группы исследователи называют их взаимодействие с неславянской языковой средой. Результаты этого взаимодействия ярко проявляются при морфемном анализе диалектных имен существительных, в первую очередь топо- и гидронимической сферы [Чайкина, 1988].

Данная характеристика вологодской группы говоров определяет возможности изучения общей морфемной системы этих говоров в следующих направлениях: а) расширение наблюдений в области инвентаря и функционирования морфем, выявление архаических особенностей морфемного уровня в системе вологодских говоров; б) выявление собственно вологодских явлений морфемного уровня (корневых и аффиксальных морфем, характера их структурно-семантического взаимодействия); в) изучение субстратных элементов морфемного уровня в составе диалектной лексики: определение формальных и семантических границ корней и аффиксов, их функциональной полноценности в структуре слов определенных структурных или тематических объединений.

2. Изучение лексического состава вологодских говоров имеет давние традиции и существенные результаты. Это интерпретация явлений вологодской лексики в лексических и лексико-словообразовательных картах ДАРЯ и Лек-

сического атласа русских народных говоров, ее представление в региональных и сводных диалектных словарях («Опыт областного великорусского словаря» (1852, 1858), «Словарь русских народных говоров», «Словарь вологодских говоров»), создание специальных словарей ономастической лексики [Чайкина, 1983; 1995]. В силу сложившейся лексикографической традиции словарями в основном фиксировалась территориально ограниченная лексика вологодских говоров. Это во многом определяет возможности исследования ее морфемного состава: на основании существующих источников в первую очередь могут быть изучены те особенности морфемики вологодских говоров, которые находят отражение в структуре диалектных слов этой группы. Вместе с тем возможно параллельное изучение явлений морфемики говоров в результате недифференцированной фиксации лексики отдельных частей речи или структурных типов.

3. Изучение морфемной структуры слов в вологодских говорах может быть основано на использовании данных целого ряда источников сопоставления. Это морфемные [СМ] и словообразовательные [СС] словари русского языка, основу которых составляет общерусская лексика; это этимологические словари [КрЭС, Фасмер, ЭССЯ], материалы которых позволяют мотивировать морфемное членение слов и охарактеризовать его исторические изменения; это толковые нормативные и диалектные словари [Даль, Ож.], содержание которых позволит конкретизировать семантику слов и морфем; это многочисленные монографические исследования, посвященные вопросам морфемики и словообразования слов в русской разговорной речи [Ильин, 1971; Виноградова, 1972; Китайгородская, 1981; Лукьянова, 1986 и др.]. Обращение к перечисленным источникам позволит представить явления морфемики вологодских говоров в контексте общерусских тенденций развития морфемики и словообразования. Вместе с тем использование материалов этих источников требует от исследователя известной осторожности и связано с целым рядом ограничений. Многие из таких ограничений определяются спецификой функционирования слов в русских говорах и связаны с решением таких важных проблем морфемного анализа, как разграничение диахронического и синхронического подходов к анализу слов в диалектной системе, определение границ формального и семантического варьирования слов и морфем в устной речи, интерпретация морфемной структуры общерусских слов в системе территориального диалекта.

Третий параграф данной главы диссертации рассматривает особенности функционирования слова в русских говорах: проблемы сегментации слов, разграничения синхронии и диахронии и особенности употребления общерусских слов и морфем.

Морфемный анализ слов с позиций диалектной системы имеет ряд особенностей. Они определяются спецификой функционирования слов в этой системе.

1. Слова, как и все другие элементы диалектного языка, входят в категорию диалектного различия. В связи с этим компоненты морфемной структуры слова также будут иметь территориальную характеристику.

2. Устный характер бытования слова определяет большую подвижность его формально-семантических границ и соответственно границ его структурных составляющих (морфем, основ).

3. «Устная форма бытования современных русских говоров представляет собой одно из важнейших условий сохранения в них комплекса диалектных различительных признаков как относительно исконных, так и инноваций» [Оссовецкий, 1982: 34]. Поэтому в диалектной системе одновременно происходит консервация архаических элементов языка и более свободное вхождение новообразований в соответствии с продуктивными тенденциями развития языка.

4. Слово в устной речи характеризуется повышенной экспрессивностью. В связи с этим в территориальных диалектах существует широкий круг экспрессивной лексики, обладающей особой звуковой формой и специфической семантикой, кроме того, формируется определенный слой структурных элементов слова (экспрессивных корней и аффиксов), обслуживающих образование экспрессивно окрашенных слов.

Перечисленные особенности функционирования слова в территориальных диалектах существенно осложняют процедуру его морфемного анализа. Особого осмысления требует в первую очередь само понимание *морфемы* и соответственно определение морфемного статуса сегментов диалектного слова. Это обусловлено несколькими причинами.

Морфема определяется в языкознании как минимальная значимая часть слова. В говорах чрезвычайно сложно определить, каков формальный предел морфемы. В этой системе дольше сохраняется историческая производность и членимость слов, следствием чего является сохранение морфемного статуса у сегментов, утративших его в системе литературного языка. Так, например, в системе вологодских говоров сохраняют морфемный статус некоторые корни, утратившие его в литературном языке {-бен- II -бян- (*ко/бѣн/и/ть, ко/бя'н/и/ть, кос/о/бѣн/и/ть/ся*) - ср.: *с/кобен/и/ть, с/кобенЫть/ся* [СМ: 154]; -ты- II -то- II -той- (*о/ты Уть, от/тд/и/ть, от/тдй/чив/ый*) - ср.: *тук, туч/н/ый* [СМ: 362]), а также аффиксальные морфы, входящие в состав производных корней литературного языка: -к-: *ко/вѣр/к/а/ть* 'сводить судорогами, корчить' *ко/вѣр/з/и/ть* 'коверкать, искажать' [СВГ, 3: 73] - ср.: -*коверк-* [СМ: 155]; *швар/к/а/ть, швар/и/ть* 'скрести, чистить до блеска; энергично двигаться, работать; бить', *швар/ну/ть* 'уронить; ударить' - ср.: -*шварк-* [СМ: 401] и др.

Другим основополагающим признаком морфемы является ее воспроизводимость в системе языка. При анализе общерусских морфем эта воспроизводимость очевидна. Сложнее выявить ее, если дело касается диалектных мор-

фем, неотъемлемой характеристикой которых должно быть определение их ареальной дистрибуции.

Так, например, диалектный процессуальный корень *-бог- II -буг- II -быг-* (*быгалны* 'сохнуть' (коми) [СРНГ, 3: 339]) функционирует в севернорусских говорах, образуя гнездо из 20 глаголов (*бы'г/а/ть* 'сохнуть' и его производные) и отглагольного прилагательного (*о/бы'г/л/ый* 'слегка занесённый снегом'). При этом семантика слов данного гнезда оказывается более разнообразной в зоне непосредственных языковых контактов с неславянским населением: (*бы'г/а/ть* 'сохнуть, высыхать на ветру, на морозе (обычно о белье) (влгд., перм., свердл., вят., том., тобол., яросл., забайк., сиб., алт., ирк., енис.); 'портиться на ветру' (влгд., вят., перм., сиб.); 'таять' (забайк., амур., 'тратиться' (забайк.); 'протрезвляться' (сиб.) [СРНГ, 3: 339]) тогда как в других севернорусских говорах, например, вологодских, в основном реализуется первичное значение 'становиться сухим, жестким, твёрдым': *вы'/быг/а/ть* 'просохнуть на ветру или на морозе' [СРНГ, 5: 257], *под/бь'г/а/ть* 'подсохнуть' [СРНГ, 27: 347] и др.

Известно, что морфема, как и другие обобщенные единицы (фонема, лексема), представлена в контексте в своих разновидностях, иначе говоря, она способна видоизменяться в формальном и семантическом отношениях. Установление границ формального и семантического варьирования морфем в языке определяется в результате изучения диапазона формально-семантических расхождений между морфемами и доказательства того, что эти расхождения в языке носят системный характер. Соблюдение этих условий в диалектной системе связано со многими специфическими проблемами. Диапазон формального варьирования морфем в говорах является более широким, чем в литературном языке. Сложно также определить диапазон семантического варьирования морфем. Как неоднократно отмечали исследователи семантики диалектного слова, в говорах возможны различные семантические переходы, оттенки, «самые парадоксальные пути развития семантической истории слова» [Кузнецова, 1994: 67]. В связи с этим чрезвычайно сложно разграничить явления многозначности и омонимии единиц и на уровне слов, и тем более на уровне морфем.

Следует отметить также, что в силу неодинаковой изученности лексического состава, морфемной и словообразовательной структуры слов в различных подсистемах языка не всегда возможно использование необходимых источников для полноценного формально-семантического сопоставления морфемных сегментов. Установление тождества общезыковых морфем менее затруднительно, так как для этого наряду с данными толковых диалектных словарей могут быть использованы материалы толковых, этимологических, исторических, морфемных, словообразовательных, грамматических словарей литературного языка. отождествление же диалектных морфем будет иметь

меньшую степень достоверности, так как может опираться только на данные толковых или этимологических словарей, содержащих диалектную лексику.

Таким образом, установление морфемного статуса сегментов слова в диалектной системе будет иметь следующие особенности.

Первичная сегментация слова в большей мере, чем в литературном языке, опирается на критерий формальной соотносительности сегментов, так как, во-первых, диалектная лексика анализируется «извне» (исследователь, как правило, не является носителем данного говора), а во-вторых, лексикографические источники нередко не располагают достаточной информацией для выделения диалектных морфем.

Отождествление морфем производится на основе специального описания диапазона формального и семантического варьирования морфем в говорах, более того, определения этого диапазона на разных уровнях диалектной системы: в отдельном говоре, системе родственных говоров или в сводной диалектной системе. В связи с этим ценнейшим источником информации для отождествления морфем являются работы лексикологов, посвященные исследованию семантики диалектного слова и диалектной вариантологии.

Установление морфемного статуса общеязыковых и диалектных морфем будет иметь различную степень достоверности. С большей достоверностью будут характеризоваться общерусские морфемы в структуре диалектного слова, а также диалектные морфемы широкого ареала употребления, тогда как морфемность узколокальных сегментов может быть сомнительной. Решение этой задачи во многом зависит от определения исходных позиций морфемного анализа, в частности, разграничения диахронического и синхронического подходов к интерпретации морфемной структуры слов.

Разграничение диахронического и синхронического подходов является одним из наиболее сложных, дискуссионных вопросов теории морфемного анализа. Исходя из того, что язык является исторически развивающейся системой, результатом предшествующих изменений и причиной последующих [Бодуэн-де-Куртенэ, 1963: 67 - 68], необходимость разграничения синхронического и диахронического подходов определяется как неперемное условие адекватности морфемного и словообразовательного анализа в отношении к определенному состоянию развития языка. Вместе с тем оживленные споры вызывает осуществление этого разграничения на практике применительно к различным этапам морфемного и словообразовательного анализа слов, в частности, определение понятия языковой синхронии.

Синхронное состояние языка может определяться как «кусочек объективной действительности, срез, выбранный из общего потока развития языка (истории) на основании ряда определенных признаков, в частности, по отсутствию изменений» [Кубрякова, 1968: 117]. Вместе с тем следует отметить, что границы предполагаемого синхронного среза для единиц различных лингвистических ярусов будут неодинаковыми вследствие различной временной про-

тяженности функционирования этих единиц в языке. Поэтому определение языковой синхронии возможно с позиций состояния языка в тот или иной промежуток времени: «С точки зрения синхронии можно изучать не только современное состояние, но и отдельные периоды в истории языков, условно выделяемые по принципу относительной стабильности системы языка в этот период, который может быть как очень кратким, так и весьма продолжительным» [Кубрякова, 1990: 452]. Таким образом, при выделении синхронных срезов языка в качестве основополагающих признаков предлагаются признаки *отсутствия изменений и временной локализации*. Для того, чтобы строго следовать первому из перечисленных признаков, необходимо сначала выявить динамику изменений единиц некоего уровня языковой системы и определить то состояние (состояния) этого уровня системы, которое может быть описано как один синхронный срез. В отношении морфемной системы говоров решение этой задачи практически невыполнимо. Следовательно, изучение этой системы может быть произведено исходя из *временны́х* параметров ее существования. Этот подход к исследованию диалектной системы реализуется в большинстве современных исследований по морфемике и словообразованию говоров.

Временной подход к определению синхронного среза исследования легко применяется в отношении системы одного территориального диалекта. В случае же обращения к некоторой совокупности диалектов приходится учитывать еще один аспект проблемы – *территориальный*: изменения единиц разных лингвистических ярусов будут неодинаковыми не только вследствие различной временной протяженности функционирования этих единиц в языке, но и в результате несовпадения пространственной реализации этих изменений. Поэтому в условиях анализа единиц диалектной макросистемы вновь возникает вопрос о возможности или невозможности описания изменений языковых единиц в рамках одного синхронного среза и о характере подобного описания.

По определению О. Д. Кузнецовой, само понимание совокупности русских говоров как полисистемы уже предполагает диахронический подход к ней [Кузнецова, 1994: 10], так как «многообразие диалектных различий – это живая история, проецированная в пространство, это как бы пространственная проекция пережитых исторических процессов» [Аванесов, 1974: 122]. Думается, что в этом случае речь идет не о собственно диахроническом подходе как описанию «исторической последовательности развития отдельных языковых явлений» [Реформатский, 1960: 89], а об интерпретции диалектных различий языка на одном синхронном срезе этого языка в его пространственной проекции. Подобный подход к анализу языковых фактов позволит представить диалектный язык и его отдельные ярусы как динамическую, развивающуюся систему, причем развивающуюся как во временной, так и в пространственной плоскостях.

Пространственно-временной, динамический подход к изучению современного состояния русских говоров в сфере морфемного анализа позволяет учитывать такие параметры морфемной системы, как территориальная дифференциация общерусских (общеславянских) морфемных сегментов в их морфемной функции, степень функциональной полноценности корней и аффиксов общерусского и диалектного морфемного фонда, характер членимости основ общерусских и диалектных слов в различных совокупностях диалектов, лексический состав и структура диалектных корневых гнезд и аффиксальных парадигм в говорах определенной группы, диалектной зоны, наречия или всего диалектного языка в целом. Этот подход может быть реализован в отношении различных совокупностей диалектов. Наиболее продуктивным представляется его применение в отношении группы родственных говоров.

Так, например, в системе вологодских говоров, в отличие от системы литературного языка, морфемный статус сохраняет корень *-бен-* II *-бян-* (*ко/бён/и/ть, ко/бян/и/ть, кос/о/бён/и/ть*)-ср.: *с/кобен/и/ть, с/кобен/и/ть/ся* [СМ: 154]. С позиций диалектного языка этот корень может быть определен как свободный, реализующий значение 'непрямой, изогнутый' (ср.: *бён/и, бя'н/и* 'накладка на телегу, сделанная вроде санок'; *бён'к/и* 'рогатки, вилашки, вилы', *бён'еч/к/а* 'вилка' (яросл.); *ча/бён/и/ть* 'гнуть, ломать, коверкать' (пек.) [ЭССЯ, 4: 7]. На основании анализа слов волгодской группы говоров можно сделать вывод о том, что морфемные свойства этого корня проявляются слабее: он имеет меньшую степень самостоятельности, являясь морфемно связанным в глагольных основах и вступая в отношения полного семантического соответствия с другими морфемами основ этих глаголов - корнем *-кос-* (*кос/о/бен/и/ть*) и префиксом *ко-*.

Таким образом, употребление общерусских слов и морфем в диалектной системе имеет ряд особенностей, существенных для их морфемного анализа.

Сегментация общерусских слов с позиций морфемной системы говоров и литературного языка может быть различной, так как в диалектах дольше сохраняется историческая производность и членимость слов. Так, например, с позиций диалектного языка сохраняют членимость такие производные морфемы литературного языка, как *-каверз-* (*каверза* и производные [СМ: 138]) - ср.: *вёргить* '1) делать долго (юж., пек.); 2) говорить вздор (юж., кур., смол.)', [СРНГ, 4: 146] (**ka-vbrzti* [ЭССЯ, 9: 167]), *-коверк-* и *-ковыр-* (*ковёркать, ковыря'ть* [СМ: 155]) - ср.: *вира'ть* '1) кидать, бросать что-либо без толку (пек.); 2) плести лапти, корзины (олон., новг., пек., лен.); 3) сшивать, соединять полотнища сетей (пек., петрогр., олон.); 4) устанавливать сети подо льдом (пек.)' [СРНГ, 4: 292] (**ko-vyr'ati, *ko-v_rkati* [ЭССЯ, 12: 17 - 18]) и многие другие корни, образованию которых способствовало опрошение префиксально-корневых комплексов с элементом *ко-* II *ка-* II *ку-...* (*колебать, колыбель, кувыркать* и др.). Функциональная самостоятельность этого сегмента в морфемной системе говоров будет значительно выше, так как в этой

системе он образует весьма многочисленную аффиксальную парадигму и во многих словах сохраняет словообразовательную функцию (*мекать* —> *ку/мёкать*, *лупать* 'снимать кожу с плодов (яросл.)' —> *ко/лупатъ*, ср. также: *пы'житься* —> *ко/пъСжитья* 'важничать (твер., пек.)', *ёжиться* —> *ку/ёжитья*, *ку/ко/ёжитья* 'ежиться (сарат., влад., моек.)' [Андреева-Васина, 1985]. В соответствии с тем, что в диалектной системе дольше сохраняются морфемный статус общеязыковых морфемных сегментов и их функциональная самостоятельность, членимость основ общерусских слов с позиций диалектной морфемной системы будет более высокой.

Границы формального и семантического варьирования общерусских морфем в говорах представляются значительно более широкими и менее определёнными, чем в системе литературного языка. Это обусловлено разного рода варьированием фонемного состава корневых морфов: *бодать* - *будать*, *кукарекать* - *кикирёкать* - *кикирёкать* - *кирёкать*, *квелѣтъ*, *клевѣтъ* 'дразнить, обижать' [СВГ, 3: 53] - ср. *квѣлый* и др. Во многих случаях это варьирование захватывает не только корневую зону, а целый морфемный комплекс. Так, в результате варьирования фонемного состава морфем в основе глагола *опрахдѣться* 'упасть' (< *опрахдѣть* '1) съесть без остатка; 2) выкопать; 3) потерять; 4) побить; 5) уронить' [СВГ, 6: 66; КСВГ]; 'обратить во прах, погноить, дать обрушиться или сгнить, пропасть' [Даль, 2: 684] < *прах* 'пыль; земля; плоть, тело; природное вещество' [Даль, 3: 382]) затемняются границы между префиксом, корнем и суффиксом: *опрахдѣться*, *опрахдрѣться*, *опрохотѣться*, *оприхдѣться*, *обряхдѣться*, *обряхдѣшѣться* [СВГ, 6: 5 - 9]. Если в первых двух глаголах этого вариантного ряда морфемные швы ощущаются более отчетливо и можно допустить членимость основ этих глаголов на пять морфем (*о/прах/бт/и/тъ/ся*, *о/прах/ор/и/тъ/ся*), то основы остальных глаголов уже в большей или меньшей степени подвергаются переразложению. Подобным же изменениям подвергаются основы глаголов *огрю'хнуться* (ср.: *об/рю'х/ну/тъ/ся*, *об/рух/ну/тъ/ся* 'упасть' [СВГ, 6: 7]), *огробнуть*, *одрѣбнуть* (ср.: *об/роб/ну/тъ* 'оробеть, испугаться' [СВГ, 6: 5]) и некоторые др. Переразложению основы в таких случаях способствует утрата семантической мотивированности данных глаголов однокоренными словами, нередко сопровождаемая установлением новых мотивационных связей. В соответствии с этим членимость основ общерусских слов, в структуре которых представлены варьирующиеся морфемы и морфемные комплексы, будет более низкой.

Учитывая перечисленные выше особенности функционирования общерусских слов и морфем в системе русских говоров, при их анализе необходимо основываться на структурной и семантической соотносительности этих единиц в той совокупности говоров, в рамках которой осуществляется анализ. Наиболее приемлемым в этом отношении представляется установление такой соотносительности в рамках группы родственных говоров, так как эта систе-

ма характеризуется фонетико-грамматической близостью, имеет общую историю развития и традиции лексикографического описания.

В *четвертом параграфе* данной главы диссертации характеризуются возможности установления отношений структурной мотивированности морфем и в связи с этим рассматривается категориально-грамматическая основа такого сопоставления. В силу того, что аффиксальное оформление словоформ определенных частей речи имеет регулярный характер, основу установления отношений структурной мотивированности словоформ в их аффиксальной части составляет отнесенность слова к той или иной части речи. В данной части диссертации рассматриваются общерусские закономерности морфемного оформления глагольного инфинитива в русском языке и его диалектные особенности, а также дается обзор работ, посвященных описанию морфемной структуры глагольного инфинитива в морфологическом и словообразовательном аспектах.

Во второй главе «*Диалектное корневое гнездо как лексический фон, инструмент и результат морфемного анализа слова в говорах*» предлагается методика морфемного анализа диалектных слов в составе диалектных корневых гнезд.

Диалектное корневое гнездо (ДКГ) определяется в диссертации как совокупность слов, в структуре которых на материале одного или нескольких говоров на некотором этапе их развития выделяется общий корень. В соответствии с данным определением могут быть перечислены следующие признаки ДКГ.

1. Как комплексная единица морфемной системы говоров диалектное корневое гнездо имеет территориальную дифференциацию. Она определяется ареальной характеристикой слов и морфем, входящих в ДКГ в качестве его структурных элементов.

2. Диалектное корневое гнездо может быть структурировано и описано на различных уровнях существования диалектной полисистемы: на уровне сводной системы говоров, совокупности говоров отдельной группы, в рамках отдельного говора или его индивидуально-речевого употребления.

3. Диалектное корневое гнездо может включать в свой состав на равных основаниях общеупотребительную и диалектную лексику или состоять только из диалектных слов. Это зависит от сферы функционирования корневых морфем - вершин ДКГ - и конкретных задач и возможностей исследования (что, в частности, определяется его лексикографическими источниками).

Лексический состав диалектных корневых гнезд обеспечивает установление отношений структурной мотивированности в корневой части исследуемых слов. Состав слов в гнезде и его структурная организация будут зависеть от того, на каком из этапов морфемного анализа оно рассматривается. В соответствии с этим *первый параграф* данной главы посвящен описанию структурирования ДКГ на различных этапах морфемного анализа слов диалекта.

На этапе первичной сегментации словоформ формируются гнезда корневых морфов. Далее при их отождествлении структурируются гнезда алломорфов и вариантов корневых морфем. В процессе определения функциональных признаков корней и изучения структурно-семантических отношений однокоренных слов разграничиваются деривационные и недеривационные части гнезд. Таким образом, диалектное корневое гнездо одновременно является лексическим фоном, инструментом и результатом морфемного анализа слов в русских народных говорах. Ниже приводятся примеры гнезд общезыкового корня *-зык-* II *-зыч-* II *-зых-* на каждом из перечисленных этапов анализа в сопоставлении с вариантами гнезда этого корня в литературном языке.

1. Гнезда корневых морфов: а) в литературном языке [СМ: 134];

б) в вологодских говорах (по данным КСВГ)

<i>а) ЗЫК(зыч)</i>	<i>ЗЫЧ(зык)</i>	<i>б)-ЗЫК-(-зыч-II-зых)</i>	<i>-ЗЫЧ-(-зык-Н-зых)</i>
R	<i>R-н-ый</i>	<i>зы'к-а-ть</i> 'кричать'	<i>зыч-а-ть</i> 'мычать'
<i>R-а-ть</i>	<i>R-н-ость</i>	<i>зы'к-ну-ть</i> 'заплакать'	<i>о-зыч-а-ть</i>
<i>R-ну-ть</i>		<i>б-зык</i> 'наговор, сглаз, порча'	'сглазить'
		<i>-ЗЫХ-(-ЗЫК-II-ЗЫЧ-)</i>	
		<i>зы'х-а-ть</i> 'звать, призывать животных криком'	

2. Корневое гнездо с вершиной *-зык-* // *-зыч-* // *-зых-*:

а) в литературном языке [СС, 1: 381];

б) в вологодских говорах (по данным КСВГ)

<i>а)зык/а/ть—></i>	<i>зык-ну-ть</i>	<i>зык</i>	
		<i>зыч-н-ый</i>	<i>зычн-ость</i>
			<i>зычн-о</i>
<i>б)зы'к/а/ть-</i>	<i>зы'к-ну-ть</i> 'заплакать'		
'кричать'	<i>*о-зы'кать—</i>		
	(ср.: <i>озы'кать</i> 'сглазить, испортить заговором' (нвг., пек.) [Д., И: 660])	<i>озык,</i>	'наговор, сглаз, порча'
<i>зыч/а/ть—></i>	<i>о-зычать</i> 'сглазить' —>		
'мычать'	(ср.: 'кричать, звать, гаркать, вопить' [Д., 1:697])	<i>озык₂</i>	'наговор, сглаз, порча'
<i>зы'х/а/ть</i>	'звать, криком призывать животных'		

Диалектное корневое гнездо является наиболее сложной комплексной единицей морфемной системы говоров. Описанию их структурно-семантической типологии посвящен *второй параграф* данной главы диссертации. Типология диалектных корневых гнезд включает в себя такие признаки, как уровень общности корня (синхронические и диахронические корневые гнезда), характер структурно-семантических связей однокоренных слов в гнезде (деривационные, недеривационные и смешанные гнезда), сфера употребления корней в основе гнезда (гнезда общерусских и диалектных морфем), степень их формально-семантической устойчивости (гнезда инвариантных и вариантных морфем), а также лексический объем гнезд (дифференциальные и полные гнезда) и степень их сводности (гнезда сводной системы говоров, группы родственных говоров, одного говора, идиодialeкта). В соответствии с этими признаками представленное выше диалектное гнездо с вершиной *-зык- II -зыч- II -зых-* может быть определено как синхроническое корневое гнездо смешанной структуры, в основе которого лежит общерусский процессуальный корень. В составе однокоренных слов этот корень представлен тремя фонематическими вариантами *-зык- II -зыч- II -зых-*; во всех словах гнезда он реализует значение «издавать громкий звук (о человеке, животном)», которое частично фразеологизируется в производном существительном *дзык* 'наговор, сглаз, порча' [СВГ, 6: 39] (ср.: *прикос* 'наговор, сглаз, порча' [СВГ, 8: 52], общерусское *сглаз*). Гнездо включает в себя в основном диалектную лексику (гнездо дифференциального типа), говоров вологодской группы северного наречия (сводное корневое гнездо).

Описание формальной и семантической структуры слов в диалектных корневых гнездах позволяет рассматривать их как единицы стереометрического устройства, выделяя в них отдельные зоны формальных и семантических вариантов корня.

Формальное и семантическое варьирование вершины гнезда может быть рассеяно по различным его участкам или сконцентрировано в отдельных зонах гнезда. Так, внутри ДКГ с вершиной *-бод- II -буд-*... могут быть выделены две вариантные зоны, в которых реализуются параллельно существующие группы фонематических вариантов корня (*-бод- II -бод'- II -бос-* и *-буд- II -буд'- II -бус-*). Каждая из зон имеет приблизительно одинаковый лексический объем и структуру.

Зона 1. Словообразовательное гнездо с вершиной *бостй* 'бодать'

<i>бос/тй-</i>	<i>бод-ун</i> 1	
	<i>бод-уч-ий</i> 1	
	<i>бод-а-ть</i> —>	<i>бод-ун</i> 2 <i>бод-уч-ип</i> 2 <i>бод-ну-ть</i> <i>за-бодать</i> <i>из-бодать</i> <i>пере-бодать</i> <i>раз-бодать</i> <i>у-бодать</i>
	<i>бостй-сь</i>	
	<i>за-бостй</i>	
	<i>из-бостй</i>	
	<i>раз-бостн</i>	
	<i>V-бостй</i>	

Зона 1. Словообразовательное гнездо с вершиной *бустй* 'бодать'

<i>бус/тй</i> —>	<i>буд-й-ть</i>	<i>*буд-ыс-а-ть</i>	<i>будысать-ся</i> <i>будыс-йк-ий</i>
		<i>буд-ых-а-ть</i> —>	<i>будыхать-ся</i>
		<i>будать-ся</i> —>	<i>за-будаться</i>
		<i>буда-нко</i>	
		<i>буд-ачк-ип</i>	
		<i>буд-ну-ть</i>	
		<i>за-будать</i>	
		<i>из-будать</i>	
		<i>раз-будать</i>	
	<i>бустй-сь</i>		

Наряду с морфонологически обусловленными видоизменениями корня (*бости* (**bosti* < **bodti* [ЭССЯ, 2: 223]) // *бо[д]/от[и]* II *бод/ум*) в данном корневом гнезде представлены варианты морфы, появление которых не связано с морфонологическими процессами: *бостй*, *бдеть* и *бустй* 'бодать' [СРНГ, 3: 126, 307] (ср. также: *бодлатъ*, 'бодать', *быдачий* 'склонный к действию' [Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря, 42] и др.).

Семантическое варьирование вершины корневого гнезда также может иметь системный характер. Формирование семантических зон гнезда может быть обусловлено различными случаями фразеологизации морфемной структуры основ, семантика которых наследуется производными, что приводит к смысловому обособлению элементов общего корневого гнезда.

Так, в результате общерусского фонетического переоформления глагола *нахлобучить* (< *клобук* 'шапка, первоначально княжеская или монашеская' [КрЭС: 286]) и фразеологизации его морфемной структуры образовалось корневое гнездо с вершиной *-хлобуч-*. В литературном языке это формируется из двух частей: словообразовательного гнезда с вершиной *нахлобучить* 'надвинуть головной убор низко на лоб' [Ож.: 396] и словообразовательно изолированного существительного *нахлобучка* 'строгое взыскание, наказание, нагонный' [там же]:

1. на/хлoбуч/и/ть- нахлoбучить-ся - * | нахлoбуч-ива-ться 1
нахлoбуч-ива-тъ - * \ нахлoбучивать-ся 2
нахлoбуч-енн-ый прич. - прил.
в-нахлoбуч-ку
2. на'хлoбуч/к/а [СС, 1: 657; 2: 878]

В вологодских говорах на основе данного корня формируется более многочисленное гнездо. Кроме общерусских элементов, в него входят диалектные однокоренные слова: *за/хлбуч/к/а* 'выдвижной ящик шкафа', *за/хлuch/и/ть* 'затянуть тучами (о небе)' [СВГ, 2: 160], *на/хлбуч/и/ть/ся* 'нахмуриться', *на/хлuch/и/ть* 'надеть головной убор низко на лоб', *о/хлбуч/и/ть* 'Ч) ударить; 2) съесть; 3) укрыть' [СВГ, 6: 107], *о/хлбуч/к/а* 'наказание, нагоняй', *рас/хлбуч/и/ть* '1) раздеть; 2) открыть нараспашку; 2) разбить, нарушить целостность' [КСВГ]. В структуре этого гнезда корень подвергается формальному варьированию: *на/хлuch/и/ть* 'надеть головной убор низко на лоб' [СВГ, 5: 83], *за/хлuch/и/ть* 'затянуть тучами (о небе)' [СВГ, 2: 160], а также представляет различные компоненты своего значения в отдельных семантических зонах.

Первую зону формирует комплекс значений, связанных с характером превичного действия: 'надвинуть головной убор низко на лоб'. Внутри этой зоны выделяются несколько частных семантических зон: а) 'надвинуть головной убор низко на лоб' {нахлобучить, нахлупить}; б) 'закрыть, покрыть что-либо' (захлупить, охлобучить в 3 знач., захлобучка) и, соответственно, аннулировать результат данного действия (расхлобучить в 1 и, возможно, во 2 знач.); в) 'проявить внешние признаки нерасположения, нахмуриться' {нахлобучиться}. В основе формирования другой семантической зоны гнезда лежит общее значение интенсивного, экспрессивного действия, которое конкретизируется аффиксальным окружением корня: 'ударить' {охлобучить¹ во 2 знач., охлобучка), 'открыть нараспашку' {расхлобучить² во 2 знач.), 'разбить,

¹ Возможно, под влиянием *охнебёчить* '1) ударить; 2) съесть' [СВГ, 6: 106]

² Возможно, под влиянием *расхлебёчить, расхлебёнить, расхлебёстить* 'раскрыть, отворить настежь' [СВГ, 9:41]

нарушить целостность' (*расхлобучить* в 3 знач.), 'съесть' (*охлобучить* в 3 знач.).

Явления внутри- и межгнздовой динамики диалектных корневых гнезд подробно характеризуются в *третьем параграфе* данной главы диссертации. Здесь рассматриваются случаи формального и семантического сближения различных гнезд, имеющих гомогенную и гетерогенную основу.

Сближение элементов различных корневых гнезд в диалектной системе – довольно частое явление, основу которого составляет устная форма бытования диалектов. В них дольше сохраняются архаические элементы языка и, напротив, ярче проявляются общезыковые закономерности морфемики разговорной речи (высокая функциональность морфемного словообразования, подчеркнутая экспрессивность слов и соответственно наличие различных средств ее выражения, тенденция к фразеологизации морфемной структуры и др.). Продуктивность конвергентных процессов в ДКГ свидетельствует в пользу большей динамичности морфемной системы русских говоров в сравнении с системой литературного языка.

Конвергенция ДКГ обычно имеет гетерогенную основу. Вместе с тем в диалектах могут сближаться и гомогенные гнезда, образовавшиеся в результате исторического распада одного корневого гнезда. Так, корневое гнездо с вершиной *-мек-* II *-мёк-*, исторически соотносительное с гнездом *-мет-* II *-меч-* (*метить* и производные) [Фасмер, II: 415; КрЭС: 264], содержит элементы, свидетельствующие в пользу былого родства этих гнезд и сближающие их как в современном литературном языке (*смётка* [СС, II: 567]), так и в русских говорах (*смекалый, смекийвый* 'сметливый' [Даль, IV: 232], *перемёкиваться* 'переворачиваться; кувыряться; переходить на сторону врага' [СРНГ, 26: 154]).

Процессы конвергенции приводят к образованию в структуре ДКГ *конвергентных зон* (КЗ) — лексических множеств, которые, генетически соотносясь с одним ДКГ, формально и семантически сближаются с другим ДКГ. Так, например, в ДКГ с вершиной *-бод-* II *-бос-// -буд-* II *-бус-* II ... (*бостй, бустй* 'бить, колоть рогами' [СРНГ, 3: 126, 307] и их производные (<**bosti* [ЭССЯ, II: 222])) в сводной системе русских говоров формируется конвергентная зона слов с корневым морфем *-бут-* (*бутаться* 'бодаться' (влад.) [СРНГ, 3: 307], *забуты'кать* (нижегор.), *забуты'скать* (перм.) 'забодать' [СРНГ, 9: 279]) – ср.: *бутать, бдтать, бутить* (сев., вост.) 'качать, болтать, колебать, двигать взад и вперёд или вверх и вниз; качать ногами; шагать по грязи; мутить, болтать воду; загонять шестом рыбу в сети; звонить, брякать' [Д., 1: 119; СРНГ, 3: 132, 307; СВГ, 1:51], *бутаситься* 'барахтаться, метаться, рваться' [СРНГ, 3: 309] (<**butiti* [ЭССЯ, III: 102]). Основанием для сближения ДКГ *-бод-* II *-буд-* II... и *-бот-* II *-бут-* II... в этой зоне гнезда служит наличие общего компонента в значении вершин этих гнезд (физическое воздействие на объект) и фонематическая близость корневых морфем, обусловленная

типичной для диалектов взаимозаменяемой звонких и глухих согласных в корне [Богословская, 1984: 7; Кошарная, 1991: 199 и др.].

В качестве оснований классификации конвергентных зон ДКГ следует выделить следующие признаки: 1) лексический объем ДКГ; 2) характер формально-семантических связей слов в составе конвергентных зон; 3) количество ДКГ, с которыми взаимодействует корневое гнездо в данной конвергентной зоне; 4) сфера функционирования конвергентной зоны (сводная система говоров; группа говоров; говор). Так, приведенная выше конвергентная зона гнезда *-бод- II -буд- II...* состоит из 3 семантически соотносительных слов, не находящихся в отношениях непосредственной словообразовательной производности, взаимодействует с одним гетерогенным ДКГ и функционирует в сводном ДКГ.

В структуре слов, образующих конвергентную зону ДКГ, выделяются морфемы или сочетания морфем (морфемные комплексы), которые служат непосредственной материальной основой конвергентных процессов. Это *конвергентная база* корневых гнезд. Чаще всего ее составляют сочетания корневых морфем с одним или несколькими прикорневыми аффиксами, как правило, семантически ослабленными. Так, в ДКГ *-мек- II -мёк-* в качестве конвергентной базы одной из конвергентных зон служит морфемный комплекс *-кумек-* в составе общерусского глагола *кумекать* и его производных {*кумекать* 'додумать, догадаться' [СРНГ, 8: 101], *докумёкаться* 'додумать, догадаться' [СРНГ, 8: 101], *недокумёкать* 'не додуматься, не догадаться' [КСВГ], *раскумекать* 'понять, взять в толк' [Даль, IV: 35]). Различные модификации данного морфемного комплекса приводят к сближению слов ДКГ *-мек- II -мёк-* с элементами других гнезд, вершины которых имеют сходный фонемный состав и семантику. Это, в первую очередь, слова ДКГ с вершиной *-кум-* : *кумѣть* 'понимать, соображать, знать' [СРНГ, 16: 84], *докумѣть* 'понять, уразуметь' [СРНГ, 8: 101], *докумѣться* 'догадаться' [СРНГ, 8: 101], *недокумѣть* 'не додуматься, не догадаться' [СВГ. 5: 90], *раскумѣть* 'понять, разгадать, уразуметь' [Даль, IV: 64]. Нередко базу для конвергентных процессов образуют аффиксально-корневые комплексы сложных глаголов: *дербалы'знуть* 'сильно ударить' [СВГ, 2: 20] - ср.; *дербануть* 'выпить водки, вина' [СВГ, 2: 2,0], *куполы'знуть* 'выстрелить' [СВГ, 4: 20]; *доскричигать* 'изъездить, исколесить' [СВГ, 2: 49] - ср.: *доскы'ркаться* 'достучаться', *чигать* 'бросать' [КСВГ] и др.

На основании анализа процессов сближения элементов различных ДКГ могут быть выделены обстоятельства, способствующие развитию конвергентных процессов — *факторы конвергенции*. Это, в первую очередь, функционально-семантическое ослабление морфемных элементов конвергентной базы, варьирование их фонемного состава, приводящее к переосмыслению морфемных границ под влиянием структурно-семантических процессов языковой аналогии. Конвергентные факторы более активны в территориальных

диалектах, что обусловлено особенностями функционирования слов в диалектной речи, многообразием их структурно-семантического варьирования, идиоматичностью и экспрессивностью.

В качестве выводов к первой части диссертации определяется **система координат** морфемного анализа слов в русских народных говорах. Наиболее важными из них представляются три координаты: территориальная, временная и структурно-мотивационная. Территориальная составляющая анализа предполагает его осуществление с позиций одного или некоторой совокупности диалектов. Временная составляющая позволяет анализировать слово с позиций одного синхронного среза в развитии исследуемой языковой совокупности или с точки зрения ее исторического развития. Структурно-мотивационная составляющая определяет соотношенность выделяемых сегментов с корневыми или аффиксальными сегментами других слов исследуемой языковой общности.

Вторая часть диссертации **«Морфемный анализ основ инфинитива диалектных глаголов в современных вологодских говорах»** представляет опыт практического применения концепции морфемного анализа, разработанной в первой части диссертации. Выбор инфинитивной формы и преимущественный комментарий территориально ограниченной лексики был обусловлен особенностями источниковой базы исследования (картотека дифференциального толкового «Словаря вологодских говоров»). Обращение к глаголу как наиболее сложной, «морфологически емкой» части речи [Виноградов, 1947: 422] определялось тем, что на ее материале наиболее ярко проявляется взаимосвязь морфемной и морфологической структуры слова, «стратегическая» обусловленность его морфемного состава семасиологической спецификой данной части речи.

В силу того, что глагол обычно является коммуникативным центром высказывания и в свернутом виде содержит информацию о каком-либо процессе или явлении, его морфемная структура определяется необходимостью маркировать отдельные составляющие его лексической и грамматической семантики. Решению этих задач подчинено аффиксальное оформление глагольных основ и репрезентация в их структуре процессуальных и непроцессуальных корней. Так, процессуальные корни объективируют значение исходного действия (состояния, отношения), характер совершения которого морфемно маркируется аффиксальными элементами. Аффиксы основ инфинитива выражают модификации основного действия с точки зрения его пространственной реализации (направление), временных параметров (начало, конец действия...), количественных характеристик (одно- или многократность действия...), большей или меньшей интенсивности действия, его соотношения с субъектом (субъектами) и объектом (объектами). Следует отметить, что указанные значения проявляются в структуре как производных, так и производ-

ных основ, что в известной мере поддерживает морфемную членимость связанных основ.

Особую роль в глагольных основах выполняют конечные суффиксы, определяющие принадлежность глаголов к каким-либо типам словоизменения. Эти суффиксы в своей словообразовательной функции выражают также различные модификации исходного действия, именуемого процессуальным корнем, или способствуют структурно-семантической адаптации непроцессуальных корней к выражению категориально-фамматической глагольной семантики в структуре отыменных, отадъективных и других транспозиционных производных глаголов. В составе непроезводных глагольных основ конечные аффиксы сигнализируют о характере словоизменения глаголов в соответствии с одним из действующих в морфологической системе типов словоизменения, а также в некоторых случаях служат средствами морфемной объективации отдельных составляющих лексической или лексико-фамматической семантики данных глаголов.

Общерусские закономерности строения основ инфинитива ярко проявляются при анализе диалектных глаголов. В этих глаголах функционируют общерусские корневые и аффиксальные морфемы, реализуются их общерусские значения, функции и валентностные свойства, действуют общезыковые факторы, определяющие характер членимости основ. Вместе с тем анализ диалектных глаголов позволяет выявить ряд особенностей их морфемной структуры. Описанию этих особенностей на фоне общерусских закономерностей строения глагольных основ посвящены три главы данной части диссертации.

Первая глава *«Типология корневых морфем в структуре диалектного глагола»* представляет характеристику корневых морфем в соответствии с признаками их общерусской функционально-семантической типологии, а также с учетом территориальной маркированности корней и их формально-семантической устойчивости.

Первый параграф главы рассматривает типы корневых морфем в зависимости от их принадлежности словам той или иной части речи. Это одна из основополагающих характеристик корня, определяющая его семантическую позицию в структуре слов той или иной части речи, усиливающая морфемную членимость основ этих слов в случаях соответствия категориально-фамматического содержания корневой морфемы общекатегориальному значению целого слова. В работе рассматриваются корни процессуальной и непроцессуальной семантики, при этом характеризуется процесс определения этих параметров при анализе общерусских и диалектных морфем, комментируются сложные случаи анализа (например, для корней взаимно мотивированных слов {блуд - блуд/и/ть, лов - лов/и/ть и пр.) или для корней глаголов звучания и речи (ар/к/а/ть 'кричать' [СВГ, 1: 16], бор/к/а/ть 'стучать' [СВГ, 1: 39]; мы/р/к/а/ть, мы/р/г/а/ть, мыр/ч/а/ть 'мычать' [СВГ, 5: 12] и др.)).

Большинство корневых морфем в структуре исследуемых диалектных глаголов имеют процессуальную семантику, связаны с наименованием действия (перемещения: *до/стйг/чи* 'догнать' [СВГ, 2: 50]; физического воздействия: *гнес/тй* 'наклонять; жать, давить' [СВГ, 1: 114]; интеллектуальной деятельности (например, восприятия): *каз/а/ть*, *каз/й/ть* 'представляться воображению, казаться' [СВГ, 3: 31, 33], *чу/ть* 'слышать, чувствовать' [КСВГ]; речевой деятельности: *за/каз/а/ть* 'дать, распоряжение, поручение, наказывать' [СВГ, 2: 119], *с/чу/ва/ть* 'уговаривать, увещевать; наказывать' [КСВГ]; физиологических действий: *на/лач/и/ть/ся* 'напиться пьяным' [СВГ, 5: 47] и др.), состояния (бытия: *вы /быть* 'пробыть, прожить, провести какое-то время где-нибудь' [СВГ, 1: 89]; качественного состояния: *бы'г/а/ть* 'сохнуть' [СРНГ, 3: 339 (вгд.)]; эмоционального состояния: *ея'нъг/а/ть* 'плакать' [СВГ, 1: 107]; функционального состояния: *мог/а/ть* 'быть в состоянии что-либо делать, мочь' [СВГ, 4: 86] и др.). Среди непроцессуальных корней в структуре диалектных глаголов были отмечены корни с *предметным* значением {-рук- II -руч-: *вы/руч/и/ть* 'взять жену из другой деревни', *за/руч/й/ть* 'приобрести', *обез/руч/е/ть* 'перестать действовать (о руках)' [СВГ, 1: 98; 2: 147; 6: 119]), корни с *признаковым* значением {-квел- II -клев-: *квел/й/ть*, *клев/й/ть* 'дразнить, доводить до слёз' [СВГ, 3: 53,64]), немногочисленные корни с *количественным* значением (-de-: *о/дв/б/и/ть/ся* 'расползеть, поправиться', *на/дв/е/ря'д/и/ть* 'свивая, соединить две нити или полоски в одну' [СВГ, 5: 33; 6: 27]) и местоименные корни {-так- II -тач-: *на/так/а/ть*, *на/тач/и/ть* 'послать; посоветовать; научить; объяснить; указать; (несов.) советовать', *от/так/а/ть* 'отговорить', *рас/так/а/ть* 'растолковать' [СВГ, 5: 77; 6: 102; КСВГ]).

Наблюдения относительно категориально-грамматической принадлежности корневых морфем в структуре диалектных глаголов позволяют отметить, что наиболее значимым для их структуры является противопоставление аффиксально-корневых комплексов, сформированных на основе процессуальных и предметных корней. Это противопоставление определяет характер семантических отношений морфем в основе, что существенно влияет на характер ее членности.

Во *втором параграфе* корневые морфемы характеризуются в зависимости от сферы их употребления. Она определялась по результатам формального и семантического отождествления выявленных корневых морфов с корневыми морфемами общерусских корней [СМ: 23 - 416]. Это сопоставление позволило сделать вывод о том, что большинство диалектных глаголов содержит в своем составе общерусские диалектные морфемы. Диалектные особенности общерусских корней в структуре глагольных основ определяются характером дистрибуции этих морфем, их репрезентации в структуре глагольных основ и спецификой их семантики.

Общерусские корни могут иметь в диалектной системе более широкую сочетаемость. Это, во-первых, свойственно процессуальным корням, которые в диалектной системе имеют меньшую степень связанности, чем в литературном языке (*вих/а/ть* 'колебать, шатать; выполнять тяжёлую физическую работу' [СВГ, 1: 72] - ср.: *вих/л/я/ть*, *вы/вих*, *с/вих/ну/ть* и др. [СМ: 63]; *куч/и/ть* 'просить' [СРНГ, 16: 181, (вглд.)] - ср.: *до/куч/а/ть*, *с/куч/а/ть* [СМ: 179]; *мёк/а/ть* 'соображать, размышлять' [СВГ, 4: 77] - ср.: *ку/мек/а/ть*, *с/мек/а/ть* [СМ: 202 - 203]; *чу/ть* 'слышать, чувствовать' [КСВГ] - ср.: *чу/я/ть*, *чу/в/ств/о* [СМ: 396] и др.). Во-вторых, встречаются многочисленные непроецессуальные корни, не фиксируемые в глагольных основах слов литературного языка: *берест/й/ть* 'нашивать на холст разноцветные лоскутки' [СВГ, 1: 30] - ср.: *берест/а*, *берест/ян'/ой*, *берест'ян/к/а* [СМ: 31], *бобы'ль/нича/ть* 'бездельничать' [СВГ, 1: 34] - ср.: *бобыль*, *бобыл/к/а*, *бобыль/ск/ий* [СМ: 36], *коров/ё/ть* 'толстеть' [СВГ, 3: 107] - ср.: *коров/а*, *коров/ий*, *коров/к/а* и пр. [СМ: 163]; *за/щеклд/а/ть* 'начать говорить быстро, часто' [СВГ, 1: 163] - ср.: *щеколд/а* [СМ: 409] и др. Глаголы с такими корнями образованы по продуктивным в разговорной речи моделям отыменного словообразования, реализующим его конструктивную функцию.

Репрезентация общерусских корней в структуре основ диалектных глаголов также имеет свои особенности. Эти морфемы могут быть представлены в диалектном слове неизвестными литературному языку корневыми морфемами. Появление диалектных морфем корневыми морфемами обусловлено несколькими причинами: действием общеглагольных морфонологических процессов, например, изменения корневых гласных перед суффиксом *-ива-// -ыва- //* *-ва-* (*жан/ива/ть/ся*, *о/хач/ива/ть/ся*), лексикализацией фонетических процессов (*за/мрав/и/ть/ся* *о/саран/а/ть*, *о/чан/ну/ть*), фонетическим освоением заимствованных морфем (*ш/дохтур/й/ть/ся*), морфонологически не обусловленным варьированием корней (*дробезж/а/ть*, *за/хлеб/ё/ть*, *о/сулед/ё/ть*), переразложением основ (*раз/бу/ть* - ср.: *раз/у/ть*, *об/у/ть* [СМ: 366]) и пр. Нередко в диалектной системе сохраняется более древняя фонетическая огласовка корня (*о/по/яз/а/ть/ся*; *роб/и/ть* 'работать' [КСВГ] - ср.: *-раб-* [СМ: 1115]), что свидетельствует о большей архаичности морфемной системы вологодских говоров.

Общезыковые корни в структуре диалектных глаголов нередко обнаруживают семантические отличия. В этом отношении важно отметить две особенности. Во-первых, эти морфемы нередко сохраняют в диалектной системе свои более ранние значения (ср.: *об/стйг/чи* 'обогнуть', *су/стйг/чи* 'догнать, поравняться с кем-либо', *пере/стйч* 'перегнать' [СВГ, 6: 11; КСВГ]). Во-вторых, многие общерусские корни в известной мере десемантизируются в составе основ экспрессивных глаголов: *вз/рёз/а/ть* 'стремительно побежать' [СВГ, 1: 70], *вз/ыгр/а/ть* 'неожиданно быстро упасть' [СВГ, 1: 70], *вьГ/свист/ну/ть* 'выбросить, выкинуть' [СВГ, 1: 102], *до/кдк/ну/ть* 'дожить

до какого-либо срока (экспр.)' [СВГ, 2: 38], *падсвист/он/и/ть* 'разбить' [КСВГ], *на/треп/а/ть/сяна/мол/б/ть/ся, на/мя¹/к/а/ть/ся*, 'на-есться' [СВГ, 5: 33, 80] и др. Это в целом свойственно глагольной лексике разговорной речи.

Одним из наиболее существенных факторов, определяющих особенности морфемной структуры диалектных слов, является наличие в них диалектных корневых морфем. В структуре около 20 % исследуемых глаголов представлены такие корни. В зависимости от ареала их употребления разграничивались общедиалектные корни {-*баж*-: *баж/й/ть* 'очень хотеть' [СВГ, 1: 18] - ср.: *баж/а/ть* (новорос, вор., вят., олон., симб., ниж., пенз.), *баж/ё/ть* (ярсл., вят.), *баж/ан/и/ть* (новг.) 'желать, хотеть чего-либо' [СРНГ, 3: 44; Даль, I: 37]), корни севернорусской локализации (-*бобот*- (*бобот/а/ть* 'говорить невнятно, неразборчиво' [СВГ, 1: 34] - ср.: *бобот/а/ть* 'невнятно говорить (на-пример, от холода)' (сев.-двин., перм.) [СРНГ, 3: 37]) и собственно вологодские корни {-*нал*-: *от/нал/я¹/ть* 'прокиснуть' [СВГ, 6: 94]). Преобладание корней широкого ареала употребления свидетельствует об общности корневого фонда и в целом о единстве морфемной системы русских говоров.

Описание диалектных корней в работе учитывало *характер их репрезентации, воспроизводимости* в исследуемой совокупности диалектов и *степень морфемной самостоятельности*. В соответствии с этим разграничиваются диалектные корни, представленные одним {-*ар*-: *ар/анд/а/ть* 'ругаться' [СВГ, 1: 16]) или несколькими морфемами: -ба[с']- // -ба[ш]- {*на/бас/й/ть/ся, на/баш/а/ть/ся* 'нарядиться, наряжаться' [СВГ, 5: 18-19], -бар- // -вар- {*на/бар/з/а/ть/ся* 'напиться пьяным' [СВГ, 5: 18], *вар/з/а/ть* 'проказничать' [СВГ, 1: 57]). По характеру воспроизводимости диалектных корней в системе вологодских говоров различаются воспроизводимые корни {-*пазг*-: *пазг/а/ть* '1) делать что-либо с силой, с особой интенсивностью', *пазг/ну/ть* '1) ударить' [СВГ, 6: 118]) и немногочисленные корни единичной фиксации, однократно отмеченные в системе вологодских говоров: -*трофл*- {*за/трдфл/и/ть/ся* 'испортиться' [СВГ, 2: 156]). В зависимости от морфемной самостоятельности характеризуются полусвязанные {*баж/й/ть//баж/ат* 'очень хотеть, сильно желать' [СВГ, 1: 18]) и связанные корни конкретной {-*иай*-: *ша/й/а/ть* 'медленно гореть, тлеть' [КСВГ], *за/ша/й/а/ть* 'начать тлеть, гореть без пламени' [СВГ, 2: 162]) и диффузной семантики {-*пазг-Н* -*пазд*-: *пазг/а/ть* '1) делать что-либо с силой, с особой интенсивностью; 2) бить, сечь, пороть; 3) бить, колотить; 4) рвать; 5) выдергивать резким движением; 6) энергично косить; 7) стричь, подстригать; 8) резать, кроить; 9) быстро ехать, передвигаться; 10) сильно, интенсивно гореть; 11) резко отталкиваясь, прыгать' [СВГ, 1: 118]). Соотносительность некоторых диалектных корней с частями морфов производных корней литературного языка свидетельствует об архаичности вологодских говоров, ранее доказанной на материале других языковых уровней.

Третий параграф рассматривает различные типы корней, определяемые их большей или меньшей морфемной самостоятельностью в структуре глагольных основ. Во-первых, это свободные корни (процессуальные: *бос/тй*, *мог/чй*; непроцессуальные: *лис/ё/ть* 'желтеть', *за/лис/ё/ть*, *по/лис/ё/ть* 'пожелтеть' [СВГ, 4: 41; 2: 128; 7: 138] - ср.: *лис/ый* 'рыжий; желтый' [СВГ, 4: 41], *лис/а*), представленные в глагольных основах в сигнификативно сильных {*за/бос/тй* 'забодать' [СВГ, 2: 96]} и слабых позициях (*до/мог/а/ть* 'уважать, ценить' [СВГ, 2: 44]). Во-вторых, это связанные корни. В зависимости от характера связанности в работе разграничиваются морфемно связанные корни (совокупность связанных морфов с присущим ей значением (значениями): *-ты-/’/-той-/’/-то-:о/ты/’/ть* 'располнеть' [СВГ, 6: 105], *от/мд/у/тѣ* '1) располнеть, стать толстым; 2) наест, отрастить; обильной едой, бездельем приобрести (живот, жир и т.д.), *от/мд/ива/тѣ* 'поправляться, полнеть', *от/мдй/чив/ый/* 'целебный, полезный' [СВГ, 6: 102]), семантически связанные корни (корни, приобретающие в связанных основах значения, не свойственные им в свободном положении: *до/бы/Уть* '1) раскусить, разжевать; 2) раскупорить, открыть; 3) зажечь, включить' [СВГ, 2: 32] - ср.: *бы/ть* '1) существовать; 2) находиться, присутствовать; 3) посещать кого-либо; 4) происходить, свершаться' [Ож., 70]), а также морфемы, обладающие как морфемной, так и семантической связанностью. Таков, например, корень *-шиб-// -шиб-* в структуре глагола 2 *на/с/шиб/а/ть* 'быть похожим' [СВГ, 5: 76]. Он не встречается в вологодских говорах в безаффиксных основах, поэтому может быть определен как морфемно связанный (ср. *вы/шиб/чи* 'выгнать' [СВГ, 1: 104], *на/шиб/й/тѣ/ся* 'неожиданно натолкнуться' [СВГ, 5: 85]). Вместе с тем в основе глагола 2 *на/с/шиб/а/ть* 'быть похожим' этот корень не обнаруживает семы 'бить, ударять', свойственной другим глаголам с этим корнем, поэтому корень *-шиб-// -шиб-* может быть определен здесь как семантически связанный (ср.: 2 *на/пах/ива/ть* [СВГ, 5: 57], 2 *на/стѣг/ива/ть* [СВГ, 5: 74], *на/шиб/а/ть* [СВГ, 5: 85] в том же значении 'быть похожим'). В зависимости от дистрибуции в работе различаются корни постоянной и переменной дистрибуции. Постоянную дистрибуцию имеют корни, которые сочетаются в ДКГ с аффиксальным окружением одного типа (префиксальным: *до/стйг/чи*, *до/стйчъ*, *су/стйг/чи* 'догнать' [СВГ, 2: 50; КСВГ], *об/стйг/ти*, *об/стйч/ти* '1) обогнать' [СВГ, 6: 11]; суффиксальным: *влад/а/тѣ* '1) владеть; 2) управлять; 3) действовать' [СВГ, 1: 74], *еолод/ова/тѣ* 'действовать' [СВГ, 1: 78] и др.). Переменную дистрибуцию имеют корни, в окружении которых представлены морфемы различных типов (*ко/бѣн/у/тѣ*, *кос/о/бѣн/у/тѣ/ся*). В системе вологодских говоров переменную дистрибуцию в ДКГ могут иметь глаголы, которые в системе современного литературного языка характеризуются постоянной дистрибуцией: *вя/ну/ть* ср.: *раз/ея/Уть* 'ослабнуть' [КСВГ], вследствие чего вычленение корня легче происходит в диалектном корневом гнезде.

Четвертый параграф рассматривает корни различной формальной и семантической устойчивости. Здесь характеризуются типы фонематических вариантов корневых морфем (количественные варианты: *гай(к)/а/ть* 'кричать' [КСВГ] — *гагай(к)/а/ть* 'бранить' [СВГ, 1: 10]; качественные: а) *бос/тъ, бус/тъ* 'бодать' [КСВГ], б) *жубр/я/ть, зубр/я/ть* 'жевать' [СВГ, 2: 92; КСВГ], в) *бузд/ыр/я/ть* 'наносить удары, бить', *на/возд/ыр/я/ть/ся* 'нарабататься' [СВГ, 2: 48; 5: 28]; комбинаторные: *ю/береж/а/ть/ся* 'преждевременно родить нежизнеспособный плод', *раз/жереб/й/ть/ся* 'ожеребить-ся, родить детеныша (о лошади)' [СВГ, 3: 6; КСВГ]; комбинированные: *кикирь/к/а/ть, кикирѐ/к/а/ть, кирь/к/а/ть* 'кукарекать' [СВГ, 3: 55]), рассматриваются возможности отождествления вариантных морфов общерусских и диалектных корней. Далее в работе характеризуются корни различной семантической устойчивости, выявляются факторы, определяющие установление семантических границ корня в диалектном корневом гнезде. Наиболее существенными из этих факторов представляются исходная категориально-грамматическая принадлежность корня; лексический объем и структурный тип ДКГ, основу которого составляет исследуемый корень; структурные особенности слов с данным корнем в диалектном корневом гнезде (комбинаторный тип основы, наличие или отсутствие формального варьирования морфем в ее составе); семантические особенности слов с данным корнем (наличие или отсутствие значения экспрессивности, интенсивности действия, характер семантического взаимодействия морфем в глагольной основе).

Исходная категориально-грамматическая принадлежность корня словам определенной части речи определяет потенциал его семантического варьирования. В связи с этим в структуре глагольных основ большей семантической определенностью характеризуются корни процессуальной семантики. При этом исходное значение корня может быть либо единственным в корневом гнезде, либо основой развития целого ряда значений корневой морфемы, прямо мотивированных исходным значением корня. На определение семантических фаниц непроецессуальных корней влияет их морфемное окружение в структуре глагольных основ. Эти границы представляются достаточно определенными в структуре производных глаголов, значения которых прямо мотивированы значениями производящих слов: *баб/и/ть, баб/нича/ть* '1) быть замужем; 2) заниматься ремеслом повивальной бабки' [СВГ, 1: 17; СРНГ, 2: 20, 25 (вглд.)] - ср.: *баб/а* 'женщина; жена; женщина, оказывающая помощь при родах, повитуха' [Ож.: 39; СРНГ, 2: 20]; *-так- II -тач-* *на/так/а/ть, на/тач/и/ть* 'посоветовать; научить; объяснить; указать', *рас/так/а/ть* 'растолковать' [СВГ, 5: 77; 6: 102; КСВГ] - ср.: *так* 'именно таким образом, не иначе' [Ож.: 785]). При этом выделяется ряд экспрессивных глаголов, в структуре которых представлены десемантизированные именные корни: *на/озер/ова/ть* 'сообщить, наговорить много чего-либо, наболтать' [СВГ, 5: 18], *от/коз/л/й/ть/ся* 'закончить прием пищи' [СВГ, 6:

91], *про/грач/и/ть, про/майдр/и/ть* 'не заметить, проглядеть' [СВГ, 8: 79; 83], *рас/кошёл/и/ть* 'испортить' [СВГ, 9: 27] и др.

Лексический объем и структура ДКГ также влияют на определение семантических границ корня. Они будут более определенными в тех случаях, когда все слова ДКГ объединены отношениями синхронической словообразовательной производноеTM на основе одного из своих значений или целого комплекса взаимосвязанных значений корня. Меньшей семантической определенностью характеризуются корневые морфемы, на основе которых формируются немногочисленные корневые гнезда смешанного типа (например: *дербалы'знуть* 'сильно ударить (экспр.)' *налы'знуть, надолы'знуть, пона-лы'знуть* 'наскучить, надоесть' [СВГ, 2: 20; 5: 35, 52; 7: 54]) либо семантически разрозненные корневые гнезда (ср.: *коза* 'прикрепляемая к носу лодки железная решетка для разведения огня во время ночного лова рыбы', *козёл*, 'козлы для пилки дров'; *козёл*, *козелки, козелок* 'санки-ледянки в виде широкой доски, которая обливается водой и замораживается, и укрепленной на ней скамейки', *козла* и *козлы* 'шесты, вбитые наклонно в землю, а сверху привязанные к столбу для его прочности; столбы с перекладиной для устройства качелей'; *козлак, козля'к, козля'тник* 'съедобный гриб с красновато-желтой или буро-желтой шляпкой; моховик'; *козлик* 'невысокая лесенка для влезания на печь; козлы для пилки дров'; *козлйха, козлуха, козлю'ха* 'самка козла, коза'; *козлушка* 'молодая коза'; *козлйться* 'капризничать, кривляться'; *от-козлйться* 'закончить прием пищи'; *раскозлйться* 'раскапризничаться' [СВГ, 3:76, 77; 6:91; КСВГ]).

Определение семантических границ корня может быть связано со структурными особенностями слов, входящих в диалектное корневое гнездо. Во многих случаях наличие формального варьирования корневых морфем при их общей семантической неопределенности способствует сближению различных корневых гнезд и образованию в их составе конвергентных зон на основе отдельных морфем или морфемных комплексов.

В *пятом параграфе* рассматриваются типы корней, обусловленные их воспроизводимостью в исследуемой совокупности говоров. Большинство корней относится к воспроизводимым морфемам: *-бараб-* {*бараб/а/ть* '1) рыть; 2) ворошить; 3) трогать' [СВГ, 1: 21]; *бараб/дги/и/ть* 'ворошить, шуршать' [КСВГ]; *за/бараб/бш/и/ть* 'зашуршать' [СВГ, 2: 93]; *из/бараб/а/ть* 'исцарапать' [СВГ, 3: 5]; *о/бараб/а/ть, о/бараб/бн/и/ть, о/бараб/ут/и/ть* 'оцарапать' [СВГ, 6: 117]; *пере/бараб/а/ть* 'переворошить' [СВГ, 7: 27]; *по/бараб/а/ть* 'почесать' [СВГ, 7: 72]; *раз/бараб/он/и/ть* 'разворошить' [КСВГ]). В некоторых диалектных глаголах можно выделить корни, неоднократно отмеченные в системе вологодских говоров (корни единичной фиксации): *-дедур-* {*вз/дедур/и/ть* (нос) 'загордиться' [СВГ, 1:69].

Вторая глава «*Типология аффиксальных морфем в структуре основ диалектного глагола*» рассматривает функционально-семантическую типо-

логию аффиксов, комментирует позиционно обусловленные особенности их семантики в структуре производных глагольных основ.

В *первом параграфе* главы рассматриваются типы аффиксов в зависимости от сферы их употребления. Большинство аффиксальных морфем в структуре основ диалектных глаголов относится к общерусскому аффиксальному фонду. Вместе с тем анализ морфемного состава этих слов позволил выделить около 20 аффиксальных морфем, неизвестных литературному языку. Это диалектные морфы общерусских аффиксов (*выз-: выз/ля'з/ива/ть* 'выкидывать, выставлять резким движением ноги в процессе танца' [СВГ, 1, 92] - ср.: *вз- // взо- // воз- // возо-* (СМ: 576), морфемы промежуточной сферы употребления (*ба- II бу-\ ба/хвалить* 'хвалиться, хвастаться' *бу/хвдстить* 'бить' [КСВГ]; *-ак-\ вар/ак/а/ть* 'неумело писать' [СВГ, 1: 56], *мусл/я'к/а/ть* 'пачкать слюной' [СВГ, 5: 11]) и собственно диалектные морфемы, среди которых очевидным морфемным статусом обладает суффикс *-анд- II -онд- II -унд- II: ар/анд/ать* 'кричать; бранить' [СВГ, 1: 16], *кол/онд/ать* 'стучать' [СВГ, 3: 88], *гур/унд/ать* 'говорить' [СВГ, 1: 136]). Этот суффикс представлен в составе основ глаголов звучания и речи (*ар/анд/а/ть* - ср.: *ар/к/ать, ар/г/ать* 'кричать; бранить' [СВГ, 1: 16; КСВГ]), имеет прибалтийско-финское происхождение [Дубровина, Герд, 1974] и функционирует в морфемной системе русских говоров Карелии и прилегающих к ней территорий. В пользу морфемности сегмента *-анд- II ...* в русских говорах данных территорий свидетельствует регулярное соотношение однокоренных глаголов звучания и речи в одних и тех же или территориально близких говорах: *аркать, арандать* (Вож. Сурк.); *колондаты, колотить* (Межд. Туров.); *гурундаты, гуркаты* (Кир. Борб.). Вместе с тем суффикс *-анд- II -онд- II -унд- II...* в структуре глагольных основ может быть определен как функционально слабый в силу того, что выполняет основообразующую функцию, занимает прикорневое положение и вступает в отношения семантического согласования с корневой морфемой, совместно с ней выражая значение звучания и речи. Малочисленность диалектных аффиксов в структуре исследуемых слов свидетельствует о том, что состав аффиксов русского языка характеризуется большим единством, чем его корневой фонд.

Второй параграф представляет описание аффиксов в зависимости от выполняемых функций. Здесь выделяются две группы аффиксов. Первую из них составляют *функционально сильные* морфемы: словообразовательные (*волдж/и/ть* 'приправлять пищу «вологодом» (жиром, маслом, сметаной)' <— *волог/а* [СВГ, 1: 78]), и синкретические, совмещающие словообразовательную функцию с функцией выражения грамматических значений глагола (*вы'/гостить* (сов.) 'пробыть в гостях в течение некоторого времени' [СВГ, 1: 91] <— *гостить* (несов.)). Морфемы данной группы относятся к общерусскому морфемному фонду, имеют стандартный набор значений, регулярно

представлены в глагольных основах и поэтому достаточно легко вычлениаются в их структуре.

В начале параграфа рассматриваются аффиксы нетранспозиционного словообразования глагола, объективирующие различные модификационные значения. Это *пространственные* модификации действия (*надо/йти* 'подойти' [СВГ, 5: 35] <- *идти*; *от/пазгать* 'отделить, отрезать' [СВГ, 6: 96] <- *пазгать* 'разделять на части резкими движениями, рвать' [СВГ, 6: 118], *за/бутдрить* 'замести, покрыть снегом' [СВГ, 2: 97] <- *буторить* 'мести (о вьюге, метели)' [СВГ, 1: 51], *с/барабать* 'сбить, уронить' [КСВГ] <- *барабать* 'трогать, прикасаться к чему-либо' [СВГ, 1,21]); *пере/волокчй* 'перетаскать' [КСВГ] <- *волокчй* 'волочить' [СВГ, 1: 80]; *об/шоркать* 'вычистить что-либо трением' [СВГ, 6: 14] <- *шоркать* 'тереть, чистить' [КСВГ] и др.), *временные* модификации (*за/бдркать* 'зазвенеть' [СВГ, 2: 95] <- *боркать* 'звенеть' [СВГ, 1: 39], *вы/сенокосить* 'проработать на сенокосе определенное время' [КСВГ] <- *сеиокосить*, *по/дробить* 'поплясать, выбивая дробь' [СВГ, 7: 109] <- *дробить* 'отбивать дробь в танце' [СВГ, 2: 57] и др.), модификации *количественных* характеристик действия (*лаж/ива/ться* 'неоднократно собираться' <- *ладиться* 'собираться' [СВГ, 4: 30, 31]; *бдлк/ну/ть* 'издать звон' [СВГ, 1: 36] <- *бдлкать* 'звонить' [СВГ, 1: 36], *пере/воротить* 'разобрать и собрать заново, заменив ветхие части' [СВГ, 7: 30] <- *воротить* 'выполнять какую-либо тяжелую работу' [СВГ, 1: 84] и др.), модификации действия с точки зрения *интенсивности* его совершения (*из/барабать* 'исцарапать' [СВГ, 3: 5] <- *барабать* 'рыть, разрывать; ворошить; трогать, прикасаться' [СВГ, 1: 21], *раз/басить* 'разодеть, нарядить' [КСВГ] <- *басить* 'наряжать' [СВГ, 1: 22], *под/вя/нуть* 'подсохнуть' [СВГ, 7: 90] <- *вя/нуть*, *за/жучить* 'искусать' [СВГ, 2: 118] <- *жучить* 'кусать' [КСВГ], *до/дурить* 'крича, довести себя до какого-либо отрицательного состояния' [СВГ, 2: 34]) <- *дурить* 'кричать' [СВГ, 2: 65] и др.), модификации действия *по соотношению с его субъектом* (субъектами) и *объектом* (объектами) (*ис/фуря/ть* 'разбросать (много предметов)' [СВГ, 3: 28] <- *фуря/ть* 'швырять, разбрасывать' [КСВГ], *пере/вихать* 'переломать, сломать' [СВГ, 7: 32] <- *вихать* 'колебать, шатать' [СВГ, 1: 72], *на/пёшать* 'долбя пешней, сделать проруби в каком-либо количестве' [СВГ, 5: 58] *- *пёшать* 'долбить лед пешней' [СВГ, 7: 56]; *оболошт/ся* 'одеваться' <- *оболокать* 'надевать что-либо; одевать' [СВГ, 5: 125, 126], *целдмкать/ся* 'целоваться' <- *целдмкать* 'целовать' [КСВГ], *обряжать/ся* 'выполнять ежедневные работы по дому, управляться по хозяйству' <- *обряжать* 'ухаживать за животным, готовить пищу' [СВГ, 6: 8 - 9; КСВГ], *бостй/сь* 'бодаться' <- *бостй* 'бодать' [СРНГ, 2: 126 (вглд.)], *дикасить/ся* <- *дикасить* 'шалить, баловаться' [СВГ, 2: 27] и др.), а также более сложные модификации действия, включающие в себя различные

его характеристики {пере/ух/ива/ть/ся 'перекликаться' [СВГ, 7: 45] <- ухатъ; при/дак/ива/ть 'поддакивать' [СВГ, 8: 46] <- дакать 'говорить «да», соглашаться' [КСВГ], раз/ба/ива/ть 'увлекаться разговором' [КСВГ] <- баять 'говорить; болтать' [СВГ, 1: 26]; по/урк/ива/ть 'время от времени слегка ругать' [СВГ, 8: 21] туркать 'ворчать' [КСВГ] и др.).

Диалектные особенности аффиксов внутриглагольного словообразования проявляются в различных направлениях. Общерусские значения глагольной модификации могут выражаться в структуре глаголов с диалектными корнями: бдркать 'производить какой-либо стук, звенеть, стучать; говорить вздор, болтать', бдрк/ну/ть 'произвести какой-либо звук, зазвенеть, застучать; чиркнуть', бдркать/ся 'звенеть, стучать', бдрк/ну/ться 'упасть с сильным шумом, грохотом' [СВГ, 1: 39], вы'/боркаться 'выйти из бедности' [КСВГ], до/бдркат/ся 'достучаться' [КСВГ], за/боркать 'застучать, зазвенеть' [СВГ, 2: 95], из/бдркать/ся 'износиться от долгого употребления, износиться' [КСВГ], на/бдркать 'наговорить, наболтать' [СВГ, 5: 21], на/бдркать/ся 'вдоволь наговориться' [КСВГ], на/барк/ива/ть 'периодически издавать звон, позванивать' [СВГ, 5: 18], о/бдркаться 'обтрепаться, износиться' [СВГ, 5: 127], от/бдркать 'отработать, закончить работу' [КСВГ], пере/барк/ива/ть/ся 'попеременно издавать звуки, перестукиваться' [КСВГ], по/бдркать 'издать звук, стук; помолоть; покосить' [СВГ, 7: 74], по/вы'/боркаться 'поредеть, обтрепаться' [СВГ, 7: 81], про/бдркать 'сказать неразборчиво, пробурчать' [КСВГ], раз/боркать/ся 'увлечься разговором, разговориться' [КСВГ], с/бдркать 'издать звон, стук' [КСВГ], у/бдркать/ся 'устать, утомиться от тяжелой работы' [КСВГ]. Кроме того, одни и те же значения глагольной модификации в диалектных и общерусских глаголах выражаются различными аффиксальными морфемами в сочетании с одним и тем же общерусским корнем: еы/Угостить 'пробыть в гостях в течение какого-либо времени, прогостить' [СВГ, 1: 91] - ср.: про/гостить, вы'/могчи [СВГ, 1: 95], из/мочь/ся 'смочь, суметь что-либо сделать' [КСВГ] - смочь, вы'/потеть 'вспотеть' [СВГ, 1: 97] - вс/потётъ. Следует отметить также, что одно и то же модификационное значение может быть выражено в структуре диалектных и общерусских слов с помощью одного аффикса в сочетании с синонимичными корнями: вздумать - вспомнить, вы'збнуть вы'мерзнуть, вы'стирать - вы'мыть, забрить - зарезать, испечь - обжечь.

Другую яркую особенность глагольной модификации составляет образование полипрефиксальных глаголов: за/с/казать 'сказать', из/вы'/звать 'выругать, избранить', на/на/весёлывать 'добавляя в пиво дрожжи, усиливать его брожение' и др. В работе приводятся наиболее распространенные структурные модели таких глаголов, комментируются семантические позиции префиксов в их основах (более сильные, если каждый из них выражает свое модификационное значение (повыражаться 'понаряжаться') и более слабые,

если прикорневая морфема имеет то же модификационное значение, что и дистантная (*по/при/солить* 'немного посолить').

Третью особенность составляет суффиксальное экспрессивное словообразование глаголов: *мусл/я'к/ать* 'пачкать слюной' [СВГ, 5: 11] *- *муслить*, *муслять* 'пачкать слюной' [КСВГ], *воз/ю*к/аться* 'водиться, ухаживать' [СВГ, 1: 77] <— *возиться*, *буд/ыс/аться* 'бодаться' [СВГ, 1: 48] <— *будиться* 'бодаться' [КСВГ] и др.). В работе доказывается морфемность экспрессивных глагольных суффиксов, характеризуются особенности их формального выражения (*воз/ы'к/аться* - *воз/юк/аться*; *буд/ыс/аться* - *буд/ых/аться*) и семантики (формально выражают, маркируют экспрессивность глагола), проводятся функциональные параллели с суффиксами стилистической модификации субстантивного словообразования {*плут/яг/а*, *вор/юг/а*, *дев/ах/а*, *кот/яр/а*, *ветр/юг/а* - *ветр/яг/а* и др.). Отмечается, что экспрессивные глагольные суффиксы функционируют не только в диалектной речи, но именно в диалектной системе проявляют большую продуктивность, представлены во всем многообразии формального варьирования и скорее обнаруживают свои семантические особенности.

Далее в работе рассматриваются функционально сильные аффиксы глагольной транспозиции: *конюх/а/ть*, *конюш/й/ть* 'ухаживать за лошадьми' [СВГ, 3: 99] <г- *конюх*, *лы'с/и/ть* 'снимать кору' [СВГ, 4: 58] <— *льсС/ый*, *пере/четы'р(ж)/ива/ть* 'пересказывая, передразнивать, пересмеивать' [СВГ, 7: 47] <— *четыре*, *так/а/ть*, *тач/и/ть* 'учить, наставлять, советовать' [КСВГ] <г- *так*, *спасйб/ова/ть* 'говорить «спасибо»' [КСВГ] <- *спасибо* и др. Диалектные особенности производных глаголов этой группы определяются их образованием от диалектных производящих (*бас/й/ть* 'украшать' <- *бас/а* 'красота' [СВГ, 1: 22]), большей или меньшей продуктивностью в этой системе общеязыковых морфем (например, продуктивный в книжной речи словообразовательный суффикс -*ствова-* (*мудр/ствова/ть*, *злб/ствова/ть*) зафиксирован однократно в экспрессивном контексте: «Он с ребёнков такой гад, дак до сей поры и *add/сте/уjhjt*» (Влгд. Сяма.)), не свойственным словообразовательной системе литературного языка сочетанием аффиксов конфиксальных моделей словообразования (*обо/дн/ё/ть* 'установиться к полудню хорошей погоде' [СВГ, 6: 125] <— *дн/я* (основа косв. п. сущ. *день*)), а также нетипичными видоизменениями основ (*р/сер/(ен)й/ть* 'запачкать серой' [СВГ, 6: 77] <— *сера*). В остальном транспозиционное словообразование диалектных глаголов происходит в соответствии с общерусскими моделями словообразования при помощи продуктивных словообразовательных морфем. Эти морфемы, как и в литературном языке выражают значения совершения действия, свойственного лицу или животному (*большач/и/ть* 'хозяйничать' <— *большак* 'старший в доме, глава семьи, муж' [СВГ, 1: 37]), совершения действия с помощью предмета или подобно предмету, в целях создания

предмета {охан/и/ть 'ловить рыбу оханом' <— охан 'рыболовное орудие в виде сетчатого мешка на длинной рукоятке' [СВГ, 6: 105, 106]); проявления, становления признака или каузации его появления {дик/ова/ть 'развлекаться, забавляться шутками, шалить' <— дйк/ий 'сумасшедший; глупый' [СВГ, 2: 28], квел/й/ть 'дразнить, доводя до слез' [СВГ, 4: 53] «- квёл/ый), произношения некоего междометия или звукоподражательного слова {кльк/а/ть 'икать' <— клык 'звукоподражание икающему' [СВГ, 3: 68]). Как и в литературном языке, словообразовательные аффиксы, выражающие эти значения, вступают в отношения синонимии (например, суффиксы -и-, -ова- II -ева-, -нича-, -а- как средства выражения отношения действия к лицу или предмету: зимогдр/и/ть 'ходить в мороз легко одетым; бродяжничать; проказничать' <— зимогдр 'человек, который не боится холода; бродяга, босяк, живущий случайной работой; драчун, хулиган; беглый каторжник, бандит; ленивый человек' [СВГ, 2: 172, 173], молоди/ева/ть 'проводить время до замужества, женитьбы' [СВГ, 4: 89] <- молодец, бобыль/нича/ть 'бездельничать' <- бобыль 'ленивый человек' [СВГ, 1: 34], няньк/а/ть 'пестовать, ухаживать, нянчиться' [СВГ, 5: 116] <— няньк/а; суффиксы -ну-, -е-, -а- как средства образования глаголов со значением становления признака: бус/ё/ть 'плесневеть' <- бус/ый 'серый, дымчатый' [СВГ, 1: 51], гус/ну/ть 'густеть' [СВГ, 1: 136] <— густ/ой, жестточ/а/ть 'становиться жестким' <— жестдк/ий 'твердый при надавливании, жесткий' [СВГ, 2: 84] и др.).

Для характеристики семантических позиций аффиксов транспозиционно-го словообразования существенно то, на какой ступени образования слова они представлены в основе. Следует отметить, что транспозиционные суффиксы конечной ступени словообразования имеют более сильную позицию, так как определяют принадлежность слова к числу глаголов какого-либо типа словообразования, а также словоизменительного класса: большач/и/ть 'хозяйничать' [СВГ, 1: 37]: а) 'выполнять действие, свойственное лицу' (ср.: большак 'старший в доме, глава семьи, муж'; бурлач/и/ть 'заниматься отхожим промыслом' <- бурлак 'крестьянин, идущий на заработки, занимающийся отхожим промыслом' [СВГ, 1: 50]); б) большач/ит, большач/ат (IV тип спряжения [ГС: 78]). Транспозиционные суффиксы других ступеней словообразования (например, суффикс -ак- II -ач- в глаголе больш/йчЫть: больш/ак 'лицо, обладающее признаком, названным мотивирующим прилагательным большой' - ср.: чуж/ак, добр/ак [Гр-70: 82]) имеют в глагольных основах семантически ослабленную позицию.

В заключительной части параграфа рассматриваются функционально слабые аффиксы глагольных основ. Они участвуют в образовании глагольных основ, не выполняя при этом слово- или формообразовательной функций (о/ты/ть 'расползеть' [СВГ, 6: 105], об/стйг/чи 'обогнать' [СВГ, 6: 11], мод/ё/ть 'гнить, портиться' [СВГ, 4: 87]). Большей частью это общерусские

морфемы, участвующие в выражении грамматических (*о/ты/ть* (сов.)), лексико-грамматических (*об/стѣг/чи* (сов.; значение субъектного перемещения мимо пространственного ориентира) - ср.: *до/стѣг/чи*, *су/стѣг/чи* 'догнать', *пере/стѣг/чи* 'перегнать' [СВГ, 2: 50; КСВГ]) и других компонентов семантики глагольного слова, а также выполняющие классифицирующую функцию (*мод/ѣ/ть II мод/[Урэ]т II мод/фа/ѣ/у/ѣт*). В работе отдельно рассматриваются функционально слабые префиксы, суффиксы и постфиксы, при этом комментируются их значения и семантические позиции в глагольных основах. Отмечается, что более сильную позицию имеют префиксы (*до/стѣгчи*, *до/стѣчь* 'догнать' [СВГ, 2: 50], *пере/бороть* 'переспорить' [СВГ, 7: 29], *раз/бусть* 'снять обувь' [КСВГ] и др.), так как обладают большей семантической определенностью. Наиболее слабую позицию в глагольных основах имеют прикорневые суффиксы полисуффиксальных основ (*вар/з/а/ть*, *ко/вѣр/з/и/ть*, *ар/днд/а/ть*, *шл/ы'нд/а/ть* и др.).

В *третьем параграфе* определяется статус диалектной аффиксальной парадигмы как комплексной единицы морфемной системы говоров, перечисляются признаки таких парадигм и их основные типы.

Диалектная аффиксальная парадигма определяется в работе как совокупность одноструктурных слов, в которых на материале некоторой совокупности диалектов в их современном состоянии выделяется общая аффиксальная морфема. Одним из важных условий формирования аффиксальных парадигм является отнесенность анализируемых словоформ к определенной части речи, а внутри нее - к каким-либо лексико-грамматическим, грамматическим, реляционным разрядам. В диссертации структурирование и анализ диалектных аффиксальных парадигм ограничен описанием аффиксальных составляющих основ инфинитива диалектного глагола. Поэтому типология аффиксальных парадигм включает в себя не все возможные признаки, а только те из них, которые существенны для морфемного анализа основ инфинитива: дистрибуция в составе основ данного типа (а) парадигмы префиксов, суффиксов, постфиксов ...; б) парадигмы одноместной или разноместной дистрибуции префиксов и суффиксов), сфера употребления аффиксальных морфем в основе парадигмы (парадигмы общерусских и диалектных аффиксов), их семантика, функции, наличие или отсутствие формального варьирования.

Так, аффиксальная парадигма слов с суффиксом *-анд-* II *-онд-* II *-унд-* в вологодских говорах может быть охарактеризована как парадигма суффикса, имеющего одноместную дистрибуцию, территориально ограниченного (севернорусского, функционирующего в русских говорах Карелии и сопредельных областей), заимствованного, маловоспроизводимого в исследуемой системе говоров, характеризующегося формальным варьированием вокалического типа, семантически слабого, выполняющего в структуре глагольных основ только основообразующую функцию. Анализ лексического состава и структуры диалектных аффиксальных парадигм позволил мотивировать морфем-

ное членение ряда исследуемых глаголов, описать функции этих морфем, особенности их дистрибуции в словах исследуемой совокупности диалектов, характер формального варьирования морфем, а в ряде случаев - особенности их происхождения и пространственной локализации.

В третьей главе «*Синтагматика морфем в структуре непроеизводных основ диалектных глаголов*» исследуются формальный и семантический аспекты синтагматики морфем в структуре непроеизводных основ диалектных глаголов и в связи с этим характеризуется динамика связанной членимости таких основ.

В первом параграфе данной главы характеризуются структурные типы непроеизводных глагольных основ. В начале параграфа рассматриваются проблемы их морфемной сегментации, комментируются случаи неоднозначной интерпретации сегментов основы. Обычно это прикорневые суффиксоподобные сегменты, в частности, сегмент *-к-*, отмеченный более чем в 200 глагольных основах. Этот сегмент классифицируется как суффикс производных глагольных основ, объективирующий значения расчлененности, многократной повторяемости, возможно, экспрессивности действия (*вдж/к/а/ть/ся* 'заниматься каким-либо делом, доставляющим много хлопот, труда' [СВГ, 1: 77], *шар/к/а/ть* 'тереть, чистить, скоблить' [КСВГ]); в непроеизводных основах этот элемент может служить средством выражения тех же значений и определяться как функционально слабый суффикс (*бункать* - *бунчать*, *ар/к/а/ть* - *др/анд/а/ть*), вместе с тем его статус представляется проблематичным при отсутствии подобных сопоставлений (*бдлк/а/ть* - *бдлк/ну/ть*): в таких случаях сегмент *-к-* рассматривается как часть корня.

Далее в работе рассматриваются структурные типы основ непроеизводных глаголов в зависимости от количества морфем и их взаиморасположения, определяется количественный состав основ каждого структурного типа, комментируются случаи спорного членения основ. В зависимости от возможности или невозможности непроеизводных глагольных основ члениться на морфемы все основы делятся на одноморфемные (нечленимые) и многоморфемные (членимые). Одноморфемные основы составляют около 3 % всех непроеизводных основ. Многоморфемные основы делятся на 13 структурных типов (СТ), которые в свою очередь образуют пять групп в зависимости от количества морфем в основах каждого типа. Это *двухморфемные* основы: *об/стйг/чи* 'обогнать' [СВГ, 6: 11], *ваб/и/ть* 'соблазнять' [СВГ, 1: 54], *пек/чй/сь* 'заботиться, хлопотать' [КСВГ]; *трехморфемные*: *на/по/сты'/ть* 'надоесть' [СВГ, 5: 6], *за/хлуч/и/ть* 'затянуть тучами' [СВГ, 2: 16], *над/сёс/ти/сь* 'устать, изнемогать' [СВГ, 5: 36], *ар/анд/а/ть* 'ругаться' [СВГ, 1: 16], *гля/ну/ть/ся* 'нравиться' [СВГ, 1: ПО]; *четыреморфемные*: *на/про/кй/ну/ть* 'опрокинуть' [СВГ, 5: 43], *за/трдфл/и/ть/ся* 'испортиться' [СВГ, 2: 160], *дё/к/ова/ть/ся* 'издеваться' [СВГ, 2: 17]; возможно, *пятиморфемные* (*у/с/по/доб/и/ть* 'потерять' [КСВГ]) и *шестиморфемные*

(о/кост/о/ус/и/тѣ/ся 'нахмуриться' [СВГ, 6: 46]). В заключительной части параграфа отмечается, что, как и в литературном языке [Низаметдинова, 1975: 424 - 428], наибольшее количество непроизводных глаголов имеет двухморфемные суффиксально корневые основы. Вместе с тем диалектные непроизводные глаголы обнаруживают большее структурное разнообразие, чем в литературном языке: в говорах представлены немногочисленные четырехморфемные и единичные пяти- и шестиморфемные основы непроизводных глаголов.

Во *втором параграфе* главы рассматриваются семантические отношения морфем [Яцкевич, 1993] в структуре основ диалектных глаголов. Эти отношения исследуются в т. н. «перспективной проекции», т. е. с учетом их трансляции на другие компоненты диалектных корневых гнезд. В отдельных частях параграфа рассматриваются отношения семантического согласования морфем (изосемии) и его отсутствия (неизосемии). Отмечается, что семантические отношения морфем в структуре непроизводных глагольных основ задаются категориально-грамматической семантикой глагольного слова, выражению которой в той или иной степени служат все морфемы глагольной основы в их взаимодействии. В связи с этим особую значимость будут иметь отношения семантического согласования, так как именно они обеспечивают адекватное взаимодействие морфем в процессе выражения ими процессуальной семантики как в непроизводной глагольной основе, так и в отглагольных словообразовательных гнездах.

Наиболее характерным типом *изосемии* морфем в непроизводных глагольных основах является полное семантическое соответствие (синсемия) процессуальных корней и основообразующих суффиксов, показателей словоизменительных типов глагола: *барѣб/а/ть II бараб/а[jh]т* 'рыть, развывать' [СВГ, 1: 20], *мод/ѣ/ть II мод/ѣ[]/э]т* 'гнить, портиться; тлеть' [СВГ, 4: 87], *ворот/ова/ть II ворот/у[]/э]т* 'выполнять тяжелую физическую работу' [СВГ, 1: 84], *гѣ/ну/ть II гѣ/н/ет* 'погибать' [СВГ, 1: 111], *го/и/ть II го/ит* 'чистить' [СВГ, 1: 116] и др. Суффиксы оформляют глагольную основу, являются показателями одного из стандартных классификационных разрядов глагольного словоизменения. Полное соответствие их семантики процессуальным корням, подчиненная позиция в структуре глагольной основы достаточно часто обуславливают взаимозаменяемость таких суффиксов в парах структурных вариантов основ без дифференциации значений глаголов: *баж/ѣ/ть - баж/а/ть* 'хотеть, желать' [СВГ, 1: 18; КСВГ], *влад/а/ть - волод/ова/ть* 'иметь силу, способность действовать' [СВГ, 1: 74; 78], *карз/ѣ/ть - карз/ѣ/ть Ч* обрубить ветки, сучья у срубленного дерева; 2) колоть дрова' [СВГ, 3: 40; КСВГ] и др. Данный тип семантического согласования морфем является наиболее перспективным для развития всех других типов их семантического взаимодействия в процессе образования отглагольных словообразовательных гнезд. На основе исходной синсемии процессуальных

корней и основообразующих суффиксов в производных глаголах формируются другие типы семантического согласования. Наиболее значимым в этом случае является выделение гипосемии. В этих случаях аффиксальные морфемы модифицируют значение исходного действия в пространственном (*о/гоить* 'отчистить' [СВГ, 6: 22]), временном (*по/гоить* 'почистить' [СВГ, 7: 84]), количественном отношениях (*га/ива/ть* 'неоднократно удобрять, обрабатывать' [СВГ, 1: 110]), с точки зрения интенсивности совершения действия (*вы'/гоить, на/гдить* 'вычистить, начистить' [СВГ, 1: 90; 5: 31]), а также маркируют различные значения возвратности (например, косвенно-возвратное: *гдить/ся* 'наводить порядок, прибираться'. «Сама-то не могууж, а всё гдуюся пока». [СВГ, 1: 116]). Во многих непроизводных глаголах исходная гипосемия способствует выражению сходных значений в основах с морфемно связанными корнями: *до/стйгчи* 'догнать' [СВГ, 2: 50], *о/тыть* 'расползть' [СВГ, 6: 105], *мя'/ну/ть* 'пропасть, исчезнуть' [СВГ, 5: 17], *скыр/к/ать* 'скоблить, тереть, чистить' [КСВГ] и др. Кроме того в структуре непроизводных диалектных глаголов могут объективироваться и другие значения. Так, например, в структуре глаголов звучания и речи *ар/анд/ать, ты р/анд/ать, гал/я'нд/ать* и, возможно, в структуре глаголов со значением физического перемещения *шл/ёнд/ать, иви/я 'нд/ать, шл/ы 'нд/ать* сегмент *-анд- II -онд- II* ... маркирует экспрессивность совершения действия. Наблюдения показывают, что изосемические отношения аффиксальных морфем различных типов, дистантно расположенных относительно друг друга, способствуют сохранению морфемной членимости основ, препятствуют фразеологизации их морфемной структуры.

Неизосемичные отношения могут устанавливаться в структуре глагольных основ между корневыми и аффиксальными морфемами (*за/молаж/ива/ть* 'затягивать тучами (о небе)' [СВГ, 2: 131] — ср.: *раз/молаж/ива/ть* 'яснеть, становиться ясным' [КСВГ]; *за/прост/а/ть* 'заполнить' [СВГ, 2: 143] - ср.: *о/прост/а/ть, о/прост/й/ть* 'освободить от чего-либо' [СВГ, 6: 67] < *прост/ой* 'пустой' [КСВГ] и др.), между аффиксами разных классов (*зй/ст/ова/гнь* 'загораживать свет' [СВГ, 2: 152], *о/ши/ва/ть* 'ходить' [СВГ, 6: 113], *за/тдлг/ну/ть* 'пожелтеть' [СВГ, 2: 160], *на/вы'к/ну/ть* 'привыкнуть' [СВГ, 2: 59] и др.), между аффиксами одного класса (*на/про/кй/ну/ть* 'опрокинуть' [СВГ, 5: 62], *о/ше/мудл/и/ть* 'обворовать' [СВГ, 6: 113]; *с/бор/он/й/ть* 'уронить' [КСВГ] и др.). Неизосемичные отношения разных типов препятствуют установлению семантической производности глаголов и затрудняют членимость их основ.

Неизосемичные семантические отношения между морфемами в структуре непроизводных основ могут устанавливаться на различных уровнях значения морфем. Так, на уровне грамматических сем устанавливаются отношения энантиосемии между суффиксами имперфективации *-ва-*, *-ну-*, *-ова-* и префиксами, маркирующими принадлежность глаголов к числу глаголов совер-

шенного вида: *о/ши/ва/ть* 'ходить', *за/тдлг/ну/ть* 'пожелтеть', *за/ап/ова/ть* 'загораживать свет' и др.; на уровне лексико-грамматических сем устанавливаются отношения гетеросемии между префиксами *на-* и *про-* в структуре основы глагола *на/про/кй/ну/ть* 'опрокинуть'; на уровне лексических и лексико-грамматических сем устанавливаются отношения гетеросемии между префиксом *за-* и корнем *-мояж-* (ср.: *молод/ой/*) в структуре глагола *за/мояж/ива/ть* 'затягивать тучами' и отношения энантиосемии между префиксом *за-* и корнем *-прост-* (ср.: *прост/ой* 'пустой') в глаголе *за/прост/а/ть* 'заполнить'. Отношения гетеросемии типичны для экспрессивных глаголов с именными корнями: *про/майор/и/ть* 'пропустить, прозевать' [СВГ, 8: 85], *от/коз/л/й/ть* 'закончить прием пищи' [СВГ, 6: 91]. Следует отметить, что неизосемичные отношения между морфемами таких основ не только препятствуют определению производности слов, но и ослабляют их членимость и могут привести к переразложению основ, образованию в их структуре новых производных морфем (*-козл-*). Причем это менее свойственно энантиосемии, при которой морфемы сохраняют свой статус в результате семантической противопоставленности в структуре основы, и более характерно для гетеросемии — отношений полной несопоставимости значений морфем.

Третий параграф данной главы работы характеризует динамику связанной членимости непроизводных глагольных основ и выявляет факторы, усиливающие или ослабляющие морфемную членимость основ диалектного глагола. К таким факторам относятся структурный тип основы, сфера употребления каждой из составляющих ее морфем, характер их воспроизводимости в словах исследуемой совокупности диалектов, степень морфемной самостоятельности корней, а также функциональная и семантическая позиции аффиксов основы. Наблюдения показывают, что более высокой является членимость двухморфемных основ (*при/стыж/чи*, *мод/е/ть*) и трехморфемных основ, содержащих аффиксы различных типов (*до/твор/и/ть*, *куч/и/ть/ся*), содержащих в своем составе не более одной диалектной морфемы (*бараб/а/ть*), каждая из которых воспроизводится в словах исследуемой системы говоров (ср.: *бараб/ну/ть*, *пазг/а/ть*). Членимость основы также поддерживается наличием в ней процессуальных корней конкретной семантики, находящихся в отношениях семантического согласования с аффиксальными морфемами основы. К ослаблению членимости приводит наличие в структуре основ одноименных аффиксов (*на/про/ки/ну/ть*, *вар/з/а/ть*), присутствие в них более одной диалектной морфемы (*ар/анд/а/ть*) или морфем единичной фиксации (*от/нал/я/ть*), семантическая диффузность корней и отсутствие семантического согласования между морфемами основы (*от/коз/л/и/ть*). Большинство перечисленных факторов являются общезыковыми, специфическим для диалектной системы будет территориальный фактор.

В Заключение приводятся основные выводы исследования.

В качестве **приложения** к диссертации приводятся списки сокращений, словарей, диалектологических атласов и грамматик, а также алфавитный перечень корневых и аффиксальных морфов, исследуемых в работе.

По теме диссертации опубликованы следующие **работы**:

1. Морфемика диалектного глагола. СПб: Изд. СПбГУ, 2003. 220 с.
2. Диалектное корневое гнездо: проблемы и принципы описания: Учебное пособие к спецкурсу. СПб, Вологда, 2002. 86 с.
3. Морфемика и словообразование русского языка: Учебное пособие. Вологда, 2002. 284 с. (в соавторстве с М. В. Богдановой, С. Х. Головкиной, И. Ю. Рыбаковой, С. Н. Смольниковым, Л. Г. Яцкевич).
4. Производные глаголы в русских говорах: Методические рекомендации и материалы для изучения производной лексики говоров. Вологда, 1998. 40 с.
5. Задачи изучения семантической и словообразовательной структуры диалектных глаголов с суффиксами *-ну₂-* и *-апу- II -ону-* в вологодских говорах // Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПИ. Вологда, 1994. Вып. II. С. 29 - 36.
6. Виды вариантности оформления основ непроизводных глаголов в вологодских говорах // Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. Вологда, 1995. Вып. III. С. 32 - 36.
7. К вопросу о префиксальных глаголах одноактного способа действия в вологодских говорах // Проблемы региональной русской филологии: Тезисы докладов и сообщений. Вологда, 1995. С. 107 - 109.
8. Особенности морфемного состава непроизводных основ диалектных глаголов в вологодских говорах // IX Ломоносовские чтения: Тезисы докладов. Архангельск, 1997. С. 123 - 124.
9. Особенности связанных корней в структуре диалектных глагольных основ (на материале вологодских говоров) // Проблемы русской морфемии: Тезисы докладов международной лингвистической конференции. Орехово-Зуево, 1995. С. 89 - 90.
10. Дистрибуция связанных корней в структуре непроизводных основ диалектных глаголов (на материале вологодских говоров) // Русские народные говоры: Проблемы изучения. Тезисы межвузовской научной конференции. Ярославль, 1997. С. 90 - 91.
11. Структура непроизводных глаголов в вологодских говорах. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Вологда, 1997. 20 с.
12. Динамика связанной членности непроизводных основ диалектных глаголов (на материале вологодских говоров) // IV Поливановские чтения: Сборник научных статей по материалам докладов и сообщений. Часть I. История славянских языков и диалектология. Смоленск, 1998. С. 156 - 162.

13. Некоторые особенности экспрессивного внутриглагольного словообразования (на материале вологодских говоров) // X Ломоносовские чтения: Тезисы докладов. Архангельск, 1988. С. 61-62.

14. Особенности диалектных корней (на материале глагольной лексики современных вологодских говоров) // Структурно-семантический анализ единиц языка и речи: Межвузовский сборник научных работ. Тула, 1998. С. 20 - 39. Деп. в ИНИОН РАН 13.01.99. № 54232.

15. Типы диалектных корней в структуре непроизводных глаголов в вологодских говорах // Проблемы русской лексикологии и лексикографии. Вологда, 1009. С.44-45.

16. К вопросу об архаичности морфемной системы современных вологодских говоров // Русская диалектная этимология: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 1999. С. 75 -76.

17. К вопросу о пополнении картотеки «Словаря вологодских говоров» при ретроспективном изучении модификационного глагольного словообразования // Проблемы русской лексикологии и лексикографии. Вологда, 1999. С. 136-147.

18. Непроизводные глаголы с двухморфемными основами в современных вологодских говорах // Единицы разных уровней языка: структура, семантика, функция: Межвузовский сборник научных трудов. Тула, 1999. С. 92 -107. Деп. в ИНИОН РАН 9.06.99., № 54701.

19. Особенности непроизводных глаголов с нечленимыми основами (на материале вологодских говоров) // Вопросы современной лингвистики: Межвузовский сборник научных трудов. Архангельск, 1999. С. - 57 - 59.

20. Особенности общезыковых префиксов в современных вологодских говорах // Структура и семантика коммуникативных единиц: Тезисы докладов филологических чтений факультета иностранных языков ВГПУ. Вологда, 1999.С.50-51.

21. Семантическая нейтрализация аффиксов в структуре непроизводных основ диалектных глаголов // Экология языка и речи. Слово в диалектном тексте. Тамбов, 1999. С. 58 - 60.

22. Особенности структурной мотивированности морфемного состава непроизводных основ диалектного глагола (на материале вологодских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1997. СПб, 2000. С. 138-141.

23. Псковская диалектная лексика как основание для реконструкции непроизводных глаголов в вологодских говорах // Русский язык от Пушкина до наших дней: Доклады международной конференции 19-22 апреля 1999 г. Псков, 2000. С. 150-151.

24. Словообразовательные особенности диалектных непроизводных глаголов в вологодских говорах // Актуальные проблемы диалектологии: Тезисы докладов межвузовской научной конференции. Вологда, 2000. С. 150 - 151.

25. Актуальные проблемы диалектной морфемики // Русская историческая филология: проблемы и перспективы. Петрозаводск, 2001. С. 287 -292.

26. Гнездовой метод изучения диалектных слов: проблемы и перспективы // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Воронеж, 2001. С.109-114.

27. Диалектный корень *-бен-* *II* *-бян-* в современных вологодских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1998. СПб, 2001. С. 262-265.

28. Диалектные словари Вологодчины // Проблемы лингвистического краеведения. Пермь, 2002. С. 215 - 225.

29. Вологодские говоры как источник ближайшей этимологии слов литературного языка // Вузовская наука - региону: Материалы III региональной межвузовской научно-технической конференции. Вологда, 2002. С. 388 - 390.

30. Корневое гнездо с вершиной *-мек-* *II* *-мёк-* в современном русском языке и его территориальных диалектах // Живое слово и жизнь. Архангельск, 2002. С. 57-61.

31. Метод гнездования слов в русской диалектологии // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Вологда, 2002. С.190-214.

32. «Слабая» морфемика русских говоров // Сборник трудов участников III межвузовской конференции молодых ученых. Череповец, 2002. С. 52-53.

33. «Словарь областного вологодского наречия» П. А. Дилакторского: проблемы и перспективы изучения // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1999. СПб, 2002. С.55 - 58.

34. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля и проблемы русской региональной морфемики // В. И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография. Ярославль, 2002. С.35-37.

35. Явление конвергенции диалектных корневых гнезд // Материалы XXXI Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов СПбГУ. Выпуск 8. Лексикология и лексикография (русско-славянский цикл). Часть I. СПб. 2002. С. 29 - 32.

36. Особенности диалектных аффиксов в структуре глагольных основ (на материале вологодских говоров) // Русское слово: синхронический и диахронический аспекты: Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова. Орехово-Зуево, 2003. С. 301-302.

Подписано в печать 2. 06. 2003. Тираж 100 экз. Заказ № 67

Отпечатано: ООО ИПЦ «Легия»

160035, г. Вологда, ул. Октябрьская, 19